

Не прикасайся!

Любовь растопит лед



18+

Анна Веммер

Анна Веммер
Не прикасайся!
Серия «За шаг до любви.
Романы Анны Веммер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64067347
Не прикасайся!: SelfPub; М.; 2023
ISBN 978-5-04-190770-9

Аннотация

Книги Анны Веммер – новое слово в жанре современной сентиментальной прозы. Каждый роман автора – это трогательная история о семейных ценностях, дружбе и любви.

Пять лет назад у Анастасии Никольской было все: большие перспективы в фигурном катании, призовые места и лучший тренер. Всего одно несправедливое тренерское решение и последовавший за ним несчастный случай лишили Настасью не только медалей, но и зрения. От прежней жизни остались лишь цветные сны, в которых она танцует на льду, и детская влюбленность в бывшего тренера – Александра Крестовского. Сам Алекс свою ученицу-неудачницу совсем забыл, тем большим потрясением для него становится чувство, возникающее при

встрече со слепой Никольской. Им обоим хочется думать, что это просто вождение, но обманывать себя получается недолго...

Содержание

Предисловие	8
Пролог	12
Глава 1	15
Глава 2	28
Глава 3	45
Глава 4	61
Глава 5	74
Глава 6	99
Конец ознакомительного фрагмента.	108



Анна Веммер
Не прикасайся!

© Веммер А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023



Предисловие



Однажды мне захотелось написать книгу о фигурном катании. Что-нибудь романтическое, наполненное атмосферой льда и соперничества, драматичное – в спорте иначе не бывает. Одна беда: я слишком мало знала об этом спорте, чтобы писать о профессионалах.

Тогда я вооружилась гуглом, нашла клуб фигурного катания для взрослых и пришла на каток. Я собиралась взять пару уроков, расспросить тренера о буднях фигуристов и написать небольшую повесть о любви на льду.

Любовь на льду действительно случилась, только не в книге, а в реальности, и любовь возникла к спорту. Ограничиться парой занятий не получилось. Книгу я отложила, а тренировки продолжились. Сейчас, спустя пять лет, я все еще на коньках. Вряд ли мои занятия можно назвать фигурным катанием в полной мере (все же инстинкт самосохранения после двадцати только растет), но никогда в жизни я не подумала бы, что буду покупать профессиональные коньки, изучать прыжки и тренировать скольжение. Теперь фигурное катание – хобби и отдушина, значимая часть жизни.

Главное из того, что я узнала о фигурном катании: я ничего не знаю о фигурном катании. Между любительским спортом и спортом высоких достижений пропасть, и неизбежно любая романтическая история перерастает в драматическую – о том, как ради спорта ломаются судьбы, закаляются характеры, сбываются и рушатся мечты.

Рушить мечты героев не хотелось.

Поэтому все события в «Не прикасайся!» вымышлены, а реалии нарочно искажены. В первую очередь это книга не о спорте, а о любви. О том, как выбраться из тьмы, найти в себе силы простить и полюбить, научиться нести ответственность за слова и поступки. Им обоим, Настасье и Алексу, необходимо этому учиться.

В романе много допущений, которые знакомые с миром фигурного катания читатели назовут невозможными. Тот, кто занимался хоккеем, не может стать тренером фигуристов. Та, что провела годы без зрения, не может восстановить физическую форму и прыгнуть тройной аксель. А зрение, потерянное так давно, невозможно вернуть.

Вероятно, в этом есть разумное зерно, однако эта история в первую очередь сказка. Она о том, как избалованный мальчик-мажор, представший однозначным отрицательным героем в книге «#Золушка в постель» превратился в целеустремленного и жесткого бизнесмена. Она о том, как талантливая, но глупая спортсменка повзрослела и преодолела себя.

Поэтому я разрешила себе немного допущений. Чтобы сказка была волшебнее. Чтобы нечеловеческие усилия героев вознаграждались чудесами.

Я надеюсь, за фасадом истории «18+» читатели увидят не только горячие и острые сцены, но и пресловутое «что хотел сказать автор». Здесь нет идеальных героев, которые точно знают «как надо» и что такое здоровые отношения – то,

о чем сейчас кричат из всех углов. Порой люди причиняют друг другу боль, ранят равнодушием и обижают резкостью. У Алекса и Настасьи просто не было примеров настоящей семьи. Но главное в их истории то, станут ли они таким примером для других.

А я благодарна этой книге за то, что однажды мироздание нашептало ее сюжет и познакомило меня с прекрасным спортом, который, я надеюсь, останется частью моей жизни еще очень долго. И кто знает, может, хрупкая, но талантливая девочка Настя вдохновит встать на коньки кого-то из вас?..

С любовью к своим читателям, тренерам и команде, благодаря которой «Не прикасайся!» ворвется в ваши сердца.

Пролог



– Попалась!

Шум машин, гул ночного города, музыка из баров и ресторанов – все смешивается в единую какофонию звуков, от которой раскалывается голова. Я не могу дышать, но не потому, что мужские руки сдавливают грудь, а потому, что снова слышу его голос. Он очень близко, дыхание обжигает кожу. Мне кажется, я слышу, как бьется сердце мужчины, но на самом деле это лишь иллюзия перепуганного мозга.

– Пусти! – рвусь на свободу, но не так-то просто сдвинуть его руки хотя бы на миллиметр.

– Думаешь, можно разрушить мою репутацию и просто сбежать? Нет уж, крошка, так не пойдет. Хотела войны? Сейчас получишь.

– Пусти! Я буду кричать!

– Кричи сколько угодно, ориентировки на тебя передали ментам с пометкой, что ты буйная и неадекватная.

– Я не буйная! – задыхаюсь от возмущения.

– Я вижу.

– Отпусти немедленно!

К моему удивлению, он вдруг слушается. Я не чувствую опоры и отшатываюсь, но, к счастью, успеваю опереться на стену и не падаю.

– Отпустил. Куда побежишь? Я ведь все равно догоню. Зачем ты хочешь сделать себе больно, Настасья?

– Не стыдно издеваться над слепой девушкой?

– Не стыдно втыкать мне нож в спину после всего, что я для тебя делал?

– Ты разрушил мою жизнь!

– И ты решила разрушить мою в ответ? Давай посмотрим, что у тебя выйдет. И до чего ты доиграешься...

Я оказываюсь зажата между стеной и его телом, хотя разницы никакой: стальные мышцы под моими ладонями внушают иррациональный страх. Да он же одним движением способен стереть меня в порошок! И о чем я только думала?

Но я знаю о чем. Мне было обидно. Так обидно, что разум отключился, уступил власть эмоциям. Я перешла дорогу Алексу Крестовскому, и теперь он это так не оставит, его, в отличие от большинства, не трогает вид хрупкой девочки в черных очках. Ему плевать на меня, для него существует только его репутация, его жизнь, его успех, ради которого он шагает по головам и судьбам.

Чувствую, как губ касаются холодные пальцы, отворачиваюсь в последнем, несбыточном желании оказаться где-нибудь далеко-далеко...

– Не трогай меня! Не смей... не прикасайся!

Глава 1

Настасья

Я сижу в холле и слушаю интервью. В голове четкая картинка: широкоплечий спортивный мужчина с короткими светлыми волосами сидит на стуле в студии и улыбается так, как умеет только он. С прищуром, с искорками во взгляде, самоуверенно и небрежно.

– Вы – интересная личность в мире фигурного катания. Насколько я понимаю, у вас нет опыта выступлений в этом виде спорта.

– Верно. Я занимался хоккеем.

– И как же так вышло, что сейчас сразу две ваши ученицы претендуют на место в сборной?

– Наверное, я хороший организатор. Надо понимать, что, когда мы говорим о тренерском штабе Александра Крестовского, мы имеем в виду не только меня, но и мою команду. Это Алевтина Сергеева, тренер, занимающийся скольжением. Георгий Демченко, он ставит прыжки. Хореографы Елизавета и Макар Рябцевы. Директор «Эдеа-элит» Сергей Крестовский. Это лишь основной состав штаба, в нем есть известные фигуристы, олимпийский вице-чемпион.

– Но все же медийное лицо группы – именно вы.

– Я начинал с подкаток хоккеистов. В основном это были дети, которые едва стояли на коньках. Однажды мне предложили взяться за подкаты фигуристки, совсем крошечной девочки, она позже завершила карьеру и решила развиваться в сторону образования. Тогда я понял, что мне интереснее работать с фигуристами. Я действительно хороший организатор. Это не значит, что я ничего не понимаю в том виде спорта, в котором работаю. Скорее наоборот: я понимаю в нем все и этим избавляю свою команду от проблем.

– Вы имеете в виду влияние в федерации?

– Не только это... точнее, не столько это. – Я слышу, как он усмехается. – Я технарь до мозга костей. Я вижу спортсмена и могу просчитать его максимум, я знаю правила, все до мельчайшей надбавки за поднятую при прыжке руку или дотянутую при вращении ногу. Это то, что не могут делать многие великие тренеры: отбрасывать личное и смотреть на спортсмена как на куклу с заданным количеством степеней свободы.

– Трудно работать с девушками?

– Трудно работать с ленивыми. А какого они пола – неважно.

– Кого из одиночниц назовете прямой группы?

– Кого бы я ни назвал, лед скользкий. Посмотрим, что будет на стартах.

– Не могу не спросить об Анастасии Никольской.

Я резко выпрямляюсь в кресле и хватаю со столика журнал, чтобы закрыть лицо. Зачем отец привел меня сюда?! А если кто-нибудь меня узнает?

– Подающая надежды фигуристка вдруг перестала выступать. Что случилось? Пресса винила во всем конкуренцию, мол, не выдержала, испугалась.

– Об этом вам лучше спросить ее родителей.

– Они, насколько мне известно, не публичные люди.

– Тогда мне остается только посочувствовать. Думаю, Анастасия выиграла достаточно, чтобы не жалеть о последствиях своего выбора.

Когда я слышу эти слова, меня накрывает яростью. Как он смеет вообще произносить мое имя! Говорить о выборе! Черт, я совершенно явственно слышу в его словах и намек, и усмешку. В интервью федеральному каналу нельзя говорить «она сама виновата в том, что потеряла зрение и не смогла вернуться в спорт, пусть скажет мне спасибо, что взяла хоть парочку медалей!».

Но я не хочу говорить спасибо, я хочу, чтобы Алекс Крестовский исчез с лица Земли, только вряд ли мироздание услышит мои желания. Пока что ни одно из них не сбылось.

– Но все же конкуренция между Никольской и Гавриловой имела место быть?

– Разумеется, без конкуренции развитие становится невозможным.

– Вы, как тренер, можете дать оценку: кто тогда все же

был сильнее?

– Мне кажется, жизнь все расставила по местам. Гаврилова – чемпионка мира. Никольская завершила карьеру. Вы всерьез спрашиваете, кто из них был сильнее?

Я не могу больше это слушать. Каждое слово – лезвие, втыкающееся в сердце. Да, это Александр Крестовский. Тренер, о котором говорит весь мир, чье фото украшает обложки журналов. Он не берет детей из обычных семей и не делает чемпионки из работающих девочек. Каждая его спортсменка – пиар-проект, он получает сумасшедшие деньги от родителей не только за то, что дети привозят грамоты и медали. Крестовский – мост к головокружительной карьере даже вне спорта. Это связи, контракты, реклама.

Это мой кошмар и мое проклятие.

Беру трость и поднимаюсь. В коридоре никого, сейчас как раз идут тренировки, так что можно спокойно пройти, не боясь столкнуться с кем-нибудь и услышать: «Ты че, слепая?!»

Свободной рукой я веду по стене, отсчитывая двери. Одна... вторая... третья. Я знаю этот коридор как свои пять пальцев, я столько лет ходила по нему. И эту дверь знаю, и даже могу вызвать в памяти табличку «Крестовский Сергей Олегович, директор». Брат Алекса, директор спортивного клуба. Раньше я могла запросто напроситься к нему на беседу, обсудить соревнования или тренировочный процесс. Мне нравилось у него бывать.

Сейчас тошно, потому что хоть я и не вижу, все равно

чувствую жалость. Каждый, кто четыре года назад смотрел на меня и восхищался, сейчас сокрушается и стенает. «Настенька, как же так... ты ведь была такой спортсменкой!» Как будто я не ослепла, а сдохла.

Останавливаюсь у двери и прислушиваюсь. За четыре года жизни в темноте я научилась слушать и слышать. Это не тот феноменальный слух, о котором пишут в романах, но все же мозг старается хотя бы частично компенсировать утраченный орган чувств.

Я слышу разговор отца и директора.

– Борис Васильевич, я все понимаю, – терпеливо и явно не в первый раз объясняет Сергей Олегович, – но у меня нет тренеров, работающих с инвалидами. Для этого нужно особое образование, лицензия. Что я буду делать, если придет проверка?

– Все вопросы с проверками я возьму на себя, но, Сергей, вы ведь и сами понимаете, что никому не нужно проверять, имеют ли в вашем клубе право заниматься со слепой девушкой. Ну поймите вы меня, ей это нужно.

– Я понимаю. Но это опасно, Борис Васильевич. Даже слабослышащим опасно находиться на льду, а слепой? А если ее собьют? Если она упадет?

– Я готов выкупить арену на тот час, что Настасья будет на льду.

– И что прикажете мне делать с другими спортсменами? У нас нет аренды льда.

– А у меня одна дочь! И она с ума сходит дома, она ката-лась всю жизнь, ей нужен лед, ей нужны долбаные коньки! Неужели сложно найти кого-нибудь, кто просто покатает ее за ручку по кругу?!

– Хорошо, – вздыхает директор. – Я попробую кого-нибудь найти. Аренда льда стоит тридцать три тысячи. Работа тренера – пять. Это будет вечернее время, после двадцати одного, в рабочие часы я не могу закрывать арену.

– Идет. Три раза в неделю.

– Два.

– Ладно, – ворчит отец. – Пришлите мне счет на месяц, я оплачу.

– А если Анастасия не захочет кататься? Не так-то просто встать на лед после того, как выносила всех в одну калитку.

– Если бы вы ее с этапа не сняли, может, и сейчас бы выносила.

Отец поднимается: я слышу скрип ножек стула по паркету и отскакиваю от двери, делая вид, что просто прогуливаюсь. Открывается дверь, выходят двое.

– Привет, Насть, – говорит Сергей Олегович.

– Здравствуйте.

– Как дела?

Я пожимаю плечами. Неловкая пауза – почти обязательный элемент в программе. Как у меня могут быть дела? Лучше, чем если бы лежала в могиле, но хуже, чем если бы вообще не садилась в ту машину.

– Идем, – бросает отец.

Берет меня под руку и ведет к лифту.

– Будешь ходить и кататься с тренером два раза в неделю, по вечерам.

– А если я не хочу?

– Это рекомендация врача, а не моя прихоть, Анастасия. Ты обещала делать то, что он скажет. Это важно для твоего здоровья.

– Да ему плевать, – бурчу я, – на меня и мое здоровье. Он отработывает деньги и методичку.

Но с отцом спорить бессмысленно, он все равно привезет меня сюда, со скандалом или без. Спустя четыре года я возвращаюсь на лед, только теперь вместо статуса подающей надежды фигуристки, претендующей на место в сборной, я – в группе здоровья для инвалидов.

Просто прекрасно. Головокружительная карьера.

Алекс

– Алекс, ты можешь не быть таким мудаком?!

– Это риторический вопрос?

– На хер ты Коновалова послал публично? Ты в своем уме?

– Надя, он задрал со своим экспертным мнением. Пусть высказывает его оттуда, куда я его отправил.

– Он заслуженный тренер!

– Будет выпендриваться – будет засуженный. Я устал ловить в свой адрес тонны дерьма. Если им всем «Элит» стоит поперек горла, то пусть катятся к чертям. Я не виноват, что вкладываю бабло в бизнес, а они всем клубом на трусы спортсменам скидываются. Доходчиво пояснил?

Надя закатывает глаза.

– День, когда я согласилась у тебя работать, стал черным!

– Главное, чтобы таким не стал день, когда ты стала со мной спать. Обидно будет.

Но, похоже, я крепко выбесил ее сегодня. Надя даже не смотрит в мою сторону, быстро одевается и заплетает длинные рыжие волосы в косу. А я так и лежу на диване с расстегнутыми штанами и думаю о том, что в следующий раз перед тем, как трахаться, запру ее телефон в сейф. Чтобы оргазм не сопровождался выносом мозга.

– Я не могу создавать тебе репутацию, когда ты шлешь всех на три буквы в инсте, язвишь в твиттере и рассказываешь в интервью, что слепая девочка сама виновата в том, что ее карьера закончилась.

– Она виновата. Она пьяная въехала в столб или куда там.

– Ее семья просила не выносить подробности.

– Я и не вынес. Но мы с тобой уже об этом говорили. Я не желаю, чтобы капризы и закидоны Никольской отразились на мне и штабе. Дурная девка психанула, когда с ее головы сняли корону, а роль злодея отвели мне. Нет уж, радость моя, не в этот раз.

– Будь моя воля, я бы тебя уволила.

– Нет, – довольно усмехаюсь, – ты бы мне еще раз дала.

Надя закатывает глаза и, цокая каблучками, уходит, оставляя меня в задумчивости валяться на диване. Надоело. Надоело оправдываться во всех интервью за то, что не беру талантливых спортсменов из простых семей. Надоело объяснять, что я работаю не на федерацию и не на медали, а на семейный бизнес. Надоело тыкать носом всяких «Мы приехали из Урюпинска, у нас такая талантливая девочка, пипец как хотим на Олимпиаду» в расценки.

Тренировки закончились, народ разбрелся по домам. Я хотел посидеть над программами к будущему сезону, но Надя явилась меня отчитывать, заткнуть ее получилось, только трахнув, и теперь как-то не до возвышенного катания под Рахманинова.

К черту. Поеду домой. Закажу что-нибудь пожрать и гляну какой-нибудь тупой боевичок. Все равно на работе делать уже нечего, через полчаса, конечно, на лед выйдет репетиция осеннего шоу, и можно задать жару бездельникам, но, с другой стороны, – хватит с них того, что приходится тренироваться в десять вечера, ибо какой-то идиот снял арену на час.

Но в последний момент, когда я уже закрываю кабинет, что-то заставляет резко развернуться и идти в раздевалку. Прокачусь перед дорогой, проветрю мозги. Может, гляну на начало тренировки, тем более там есть на что посмотреть.

Группа уже толпится в «предбаннике», готовая высыпать на лед, а из противоположного конца выезжает заливочная машинка. Да твою же мать, и здесь не успел. Теперь придется ждать, пока подготовят лед.

Я вдруг вижу на катке одинокую фигуру и кричу:

– Какого хрена встала?! Сеанс кончился, сейчас заливка пойдет!

Девушка то ли не слышит, то ли думает, что это не ей. Но как можно не замечать здоровенную машину и горящую на табло надпись: «Идет подготовка льда. Просьба покинуть арену».

– Эй! Ты слепая?! – ору я, выезжая на лед и направляясь к девушке.

Она растерянно оборачивается, и я едва не лечу носом вперед, запнувшись о зубцы.

Она слепая. Твою мать. Это Настасья Никольская.

Что она делает на льду? И почему я на нее пялюсь как дурак, словно никогда не видел слепых симпатичных девчонков?

Она все еще точеная как статуэтка. Худенькая, невысокая, с длинными русыми кудрями. В стильном спортивном костюме, в знакомых коньках, слегка потрепанных в той, прошлой, жизни, где еще были соревнования и тренировки. Только одна деталь не вписывается в образ фигуристки: черные очки, закрывающие половину лица.

Я не видел ее оправившейся после аварии. В последний

раз приходил к ней в палату, но она практически сразу велела убираться прочь, и с тех пор я вычеркнул Анастасию Никольскую из своего окружения.

– Что ты здесь делаешь? – подъезжаю я и спрашиваю чуть грубее, чем хотел. – Сеанс кончился.

– Я поняла. Я не знаю, в какую сторону ехать.

– Ты с тренером?

– Да, с Инной, она куда-то ушла...

Сейчас ее сковывает страх. Она растеряна, не может сдвинуться с места, потому что понятия не имеет, где борт, где машина, где люди. Тренера нет в зоне видимости, и я мрачно думаю, что прибью Инну, едва увижу. Какого хрена она бросила посреди льда слепую девчонку?

– Я тебя провожу. Дай руку.

Она стискивает зубы и буквально заставляет себя поднять руку. Я обхватываю ее запястье и веду за собой к калитке. У нее холодная и тонкая кожа, мне кажется, что если я сожму чуть сильнее, то сделаю ей больно. У самого края, чтобы Настя не запнулась о борт, я притормаживаю, и она врезается в меня, оказываясь слишком близко, практически в моих руках.

– Осторожно, ступенька, – говорю я и понимаю, что испытываю странное возбуждение от ее близости.

Твою же мать. Это просто отголоски встречи с Надей. Она так и не дала мне нормально расслабиться, включив свои нотации. И теперь я готов пожирать взглядом каждую бабу, ко-

торую вижу. И чувствую.

– Где твои чехлы?

– Не знаю. Я отдала их Инне.

– Потом заберешь. Я доведу тебя до раздевалки.

Мы вместе выходим с арены и медленно – ей неудобно идти без чехлов – направляемся к раздевалке. Я держу Никольскую под локоть и чувствую себя странно. Нет смысла врать себе: она винит меня в том, что случилось. Маленькая эгоистка нашла, на кого спихнуть ответственность за собственную дурость.

И все же часть меня ее жалеет. Каково это: быть вынужденной принять помощь человека, которого ненавидишь? Я – призрак прошлого, напоминание о жизни, которой у нее никогда не будет.

– Садись сюда.

Подвожу ее к скамейке и усаживаю.

– Дай ключ от шкафчика.

Она копается в кармане в поисках ключа, а потом я забираю из ее шкафчика сумку, ставлю на скамейку рядом и кладу ее руку на замок.

– Твои вещи. Попросишь кого-нибудь довести тебя до холла.

Молчит, наклонившись: пытается расшнуровать коньки. Сначала не может нащупать узел, зато потом разувается быстро и профессионально. Навыки не вытравить четырьмя годами бездействия.

Несколько минут я еще наблюдаю за ней, не зная, слышит ли она мое присутствие. Я читал где-то, что у слепых очень развит слух, но где именно, вспомнить не могу. Потом слышу голоса, в раздевалку вваливается очередная партия девочек, готовящихся репетировать, и я ухожу. Перед тем как выйти, краем глаза вижу, как растерянно и немного нервно озирается Настасья, вдруг оказавшаяся в гуще толпы.

Но, в конце концов, я ей не нянька. Как-то же дошла до катка. Значит, найдет и дорогу обратно.

Глава 2

Настасья

Я принципиально не хожу ни в какие реабилитационные центры и не слушаю блоги из серии «Как жить без зрения». Психолог говорит, это потому, что я еще надеюсь, подсознательно думаю, что такое положение временно. Но она не знает, что именно я три года назад сказала: «Хватит!» Больницы, обследования, процедуры... мне не хотелось провести всю жизнь в окружении пищащей, стрекочущей и шелкающей медицинской аппаратуры.

Поэтому я надела очки, взяла трость – и спряталась от всех. Удалила все контакты из записной книжки, отказалась общаться с бывшими подругами. Отныне для меня существовали только отец и братья. Даже экономка почти не говорила со мной, то ли не зная, как общаться с такими, как я, то ли вздохнув с облегчением. Одной капризной хозяйкой меньше.

Не знаю, сделала ли меня потеря зрения менее капризной?

Четыре года назад я прилетела домой, открыла папин бар, выпила половину бутылки вермута, взяла из ящика ключи и поехала на отцовской машине. Я до сих пор смутно пом-

ню тот вечер, последнее воспоминание – как пью стакан за стаканом, захлебываясь в слезах, а потом прихожу в себя в палате. Адски больно, страшно, хочется пить и... темно.

С тех пор темнота так и не отступила, а я с ней свыклась. И даже подружилась, ведь в темноте во многом проще. Я скучала по льду, по полноценной жизни, но одновременно с этим будто выдохнула. Больше никто не ждал от меня медалей. Больше никто не оценивал, как куколку в музыкальной шкатулке. Если ты не пластична, не музыкальна и недостаточно гибкая – ты не заслуживаешь внимания, а если ты не на пьедестале, то зачем вообще ты тренируешься? Это девиз группы, не мой. Уже очень давно не мой.

Жизнь фигуриста подчинена своду строгих правил и запретов. Держать вес. Тянуться. Нарращивать мышечную массу для прыжков. Настраиваться психологически. Выкатывать программы раз за разом, пока не получится идеально, пока не услышишь скупую похвалу от Алекса и не уползешь домой вконец разбитая.

И самый страшный кошмар: если вдруг Крестовский увидит, что ты набрала даже не килограмм, хоть триста граммов веса. Мне до сих пор снится, как я встаю на весы, вижу там цифру «55» и по коже идет мороз. Рядом стоит Алекс, я вижу в его глазах раздражение, и меня начинает тошнить... а затем просыпаюсь – и вместо весов перед глазами тьма. Даже не знаю, что лучше.

Сегодня я иду на лед. Внешне я стараюсь ему соответство-

вать: быть такой же холодной, но внутри все трепещет, в животе скручивается тугой узел. Я так боюсь! Боюсь встретить знакомых, боюсь не суметь встать на коньки, боюсь травмироваться. Папа выкупил всю арену, но от этого не легче.

– Привет, я Инна, – слышу равнодушный женский голос. – Ты готова? Твое время началось.

Я хочу попросить ее помочь зашнуровать коньки, но равнодушие и металл в голосе не дают это сделать. Трачу непозволительно много времени на шнуровку и неуклюже иду к выходу на лед, осторожно ощупывая палкой пространство перед собой. Странная, должно быть, картинка: девчонка в коньках, с тростью и в очках.

Плохо не иметь возможности узнать собеседника, особенно того, от кого ближайший час будет зависеть мое здоровье. Возможно, будь Инна подружелибнее, я бы попросила прикоснуться к ней, чтобы понять, как она выглядит, хотя бы какого роста. Но, увы, не всем людям приятно работать с такими, как я.

– Что ты умеешь? Ты умеешь стоять на коньках?

– Да, я каталась в юности.

– Тогда поехали.

Рука дрожит, когда я хватаюсь за бортик и неуклюже встаю на лед. Слышу, как Инна отъезжает на несколько метров, вдыхаю прохладный воздух и мысленно говорю катку: «Привет». Я скучала.

Делаю осторожный шаг... толчок... фонарик. Мышцы по-

сле длинного перерыва плохо слушаются, но тело еще не забыло азы. Мне нужно несколько минут, чтобы поймать баланс, а потом я без проблем еду на голос тренера. Она зовет меня с конца катка, и основная задача – ехать прямо и без выкрутасов. Мой максимум сейчас – змейки, фонарики, дуги и другие упражнения, которые делают дети, только-только пришедшие на лед.

Но я вынуждена признать, что счастлива. Ощущение скольжения, настоящее, а не пришедшее во сне, дарит приятную легкость голове. Я в своей стихии, я на льду, и как я хочу снова видеть, иметь возможность зайти на прыжок или войти во вращение, знают только боги!

– Можно мне на середину катка? – прошу я. – Хочу попробовать вращение.

Это не просто сложно, это адски сложно. Я начинаю с циркуля: ставлю правую ногу на зубец, а левой на внутреннем ребре пытаюсь кружиться. Меня пошатывает, тело никак не хочет ловить нужный баланс.

– Ты тут покрутись, я отойду, лады? – говорит тренер.

«Нет! Я боюсь остаться одна!» – хочется закричать мне, но я молча киваю и беру себя в руки.

Нельзя же, в самом деле, как ребенку, паниковать, что тебя оставили одну.

Некоторое время я еще пытаюсь вращаться, но вскоре понимаю, что это гиблое дело. Может, потом, когда я немного освоюсь, что-то и получится, но сейчас я – слепой котенок,

который, если будет шалить, носом соберет все борты.

– Инна? – зову. – Я хочу закончить. Для начала достаточно.

В ответ сначала тишина, а затем – гул голосов, чей-то смех и шум. На лед готовится выйти новая группа, время, отведенное мне, заканчивается. Тренера нет, а в какой стороне калитка я, естественно, уже давно забыла.

– Инна, я замерзла! Инна!

Кричи не кричи, а тренер, похоже, свалила с концами. Придется осторожно ехать до бортика и пытаться нащупать калитку, но, если ее закрыли, я вряд ли быстро найду щеколду. Но можно попросить помощи у девчонок... если обида и унижение позволят. Я ненавижу такие моменты! Чувствую себя беспомощной и растерянной.

Вдобавок ко всему слышу шум выезжающей на лед заливочной машинки и паникую. Спокойно, Настя, водитель же заметит тебя и поможет найти выход. Кто-нибудь заметит...

– Эй! Ты слепая?!

Сердце пропускает удар, за ним другой, и мне кажется, вновь биться уже не начнет. Сначала кажется, это просто сон, потому что голос этого человека я слышала, лишь когда закрывала глаза и отключалась, но спустя еще несколько секунд кто-то тормозит рядом. Я чувствую запах знакомого парфюма и едва удерживаю себя, чтобы не отшатнуться.

Спокойно. Я – лед. Ледышка, не чувствующая ничего. Холодная и недостижимая.

– Что ты здесь делаешь?

Боже... его голос так близко, как будто я попала в прошлое. Мне кажется, сейчас услышу «давай прогон КП» – и над катком разнесутся звуки «Ромео и Джульетты».

– Сеанс кончился.

– Я поняла. Я не знаю, в какую сторону ехать.

Хотя теперь, наверное, знаю, ведь я слышала, откуда подъехал Алекс. Но все равно делать шаг в темноту, когда рядом шумит машина и гомонят какие-то девушки, сложно.

– Ты с тренером?

Вряд ли Инну можно назвать тренером. Я без зазрения совести расскажу отцу, как меня бросили посреди катка, заставив униженно просить помощи, и Инны здесь больше не будет. Ну... в том случае, если она не любовница Крестовского, конечно. Эта мысль оставляет едкий привкус.

– Я тебя провожу. Дай руку.

Казалось, хуже уже быть не может, но вот я еду и чувствую, как горячие пальцы сомкнулись на моем запястье. Он держит совсем невесомо, сжимая совсем чуть-чуть, но у меня ощущение, что руку закрыли в колодке. Возле калитки я спотыкаюсь – и падаю практически на руки Крестовскому. Мне бы очень хотелось увидеть его лицо в этот момент. Что оно выражает? Раздражение? Отвращение? Очки почти спадают, но я успеваю удержать их.

Брат и папа говорят, что мне совершенно необязательно носить такие очки, но застывший слепой взгляд мне видит-

ся еще более жалким. К тому же несколько мелких шрамов возле глаз – туда попали осколки лобового стекла – наверняка не добавляют мне очарования.

Я окончательно теряюсь. Не понимаю, куда мы идем, через какую калитку вышли со льда, куда Алекс ведет меня. Это, пожалуй, бесит больше всего: я могу самостоятельно себя обслуживать, передвигаться по дому, по городу с навигатором, пользоваться компьютером, интернетом... но когда кто-то ведет меня, становлюсь совершенно беспомощной. Стоит лишь на миг погрузиться в мысли, перестать ориентироваться в пространстве, нарисованном воображением, и вот паника накрывает с головой, и даже то, что я узнаю раздевалку, не приносит облегчения.

Еще одно прикосновение руки: Алекс берет мою ладонь и кладет на замок сумки.

– Твои вещи. Попросишь кого-нибудь довести тебя до холла.

Вообще-то это обязанность Инны, папа обговаривал отдельно, что она встретит меня в холле, отведет в раздевалку и проделает этот же путь в обратном направлении после тренировки. Но Инна самоустранилась, и мне придется или ковылять самой, или позвонить водителю, чтобы поднялся.

Раздевалка наполняется голосами. Я напрягаюсь. Хочется как можно скорее остаться одной, забиться в угол и приходиться в себя от такого стресса, я не была одна среди людей уже очень давно, со мной всегда кто-то из домашних. А сей-

час я посреди шумного моря, в толпе залиvisto хохочущих девчонок. И вдруг среди всеобщего гама слышу свое имя:

– Настя?

Черт! Черт! Черт!

Я как будто попала в свой же кошмар, где сначала появляется Алекс, а за ним следом Гаврилова. Когда-то мы были главными конкурентками на юниорском уровне, вся страна (по крайней мере, та ее часть, что следила за фигурным катанием) ждала нашего противостояния на взрослых стартах. Противостояния так и не случилось. Я попала в больницу, снялась с чемпионата России, лишилась квоты на чемпионат мира. Гаврилова все это выиграла и позже, через год, стала чемпионкой мира в шестнадцать лет. Первая и пока единственная чемпионка мира Алекса Крестовского.

Я слушала тот чемпионат, захлебываясь слезами, а после встала и поклялась забыть и об Алексе, и о Гавриловой.

– Никольская, это ты?

– Здравствуй, Света.

– Какими судьбами? Выучила четверной аксель и пришла похвастаться перед неудачницами?

– Похоже, чтобы я могла чем-то хвастаться?

– Похоже, ты забыла, что тебе здесь не рады.

– Ты и твои подружки? Так я не к вам пришла.

– Алекс вроде тоже ночами твое имя не повторяет.

– А ты вообще не спишь, каждое его слово ловишь? Тогда понятно, почему тебя отправили на пенсию в девятнадцать.

– Сука!

– Грибница.

Гаврилова смеется, а вот остальные притихли. Или наслаждаются шоу, или чувствуют себя неловко. А может, снимают наш скандал на телефон.

– Приятного вечера, Настя, – елейным голоском произносит Света и сбрасывает все мои вещи со скамейки.

Я слышу, как разлетаются чехлы, как переворачивается сумка и из нее выпадают все вещи, включая кошелек и мобильник. Помада закатывается под шкафчик, но на нее мне плевать, мне нужны телефон и кошелек, все остальное не представляет ценности. Под мерзкое хихиканье я опускаюсь на пол и пытаюсь нащупать мобильник. Когда пальцы касаются краешка чехла, кто-то ногой легонько отпихивает его подальше.

Раздевалка пустеет. Я все так же сижу на холодном полу. Что ж, встреча с прошлым состоялась. Два-ноль... и совсем не в мою пользу.

* * *

Водителя еще нет, он застрял в пробке на кольце, и я иду в ресторанчик, что находится на территории клуба. Мы часто заходили туда, когда тренировались. Правда, нормы калорий запрещали брать что-то из меню, так что мы перепробовали весь ассортимент чаев, а еще обожали фруктовый лед: шарик

на двоих, чтобы утром весы не порадовали лишними граммами, и наслаждайся запретным лакомством.

Когда-то мы со Светой Гавриловой были подругами. А сейчас я сижу за столиком в нашем ресторанчике одна и глотаю слезы обиды, потому что момент, когда я ползала по полу в поисках вещей, запомню на всю жизнь. Неужели ее ненависть ко мне настолько сильна, что даже факт моей слепоты не остужает ярость? Или я давно не общалась со Светой и теперь это просто ее характер?

А еще мне интересно, спит ли она с Крестовским. Я ругаю себя за эти мысли, потому что поклялась забыть о нем, забыть обо всем, что связывало меня с тренером, но не получается. Я слишком слабая, чтобы быть сильной.

Слышу шаги и поднимаю голову на звук. Как испуганный зверек, вслушиваюсь, напрягаюсь.

– Привет. У тебя свободно? – Голос принадлежит какому-то парню.

– Да. А что, другие столики заняты?

– Как видишь...

– Вообще-то не вижу. – Я вытаскиваю из-под стола трость.

– Блин... прости! Я идиот. Я только что получил премию «За неопределимый вклад в развитие идиотизма в России».

Невольно я улыбаюсь.

– Все в порядке. Садись.

– Как тебя зовут?

– Настя.

– Никита. Есть такое издательство, знаешь? «Настя и Никита».

– А не лихо ли ты поставил буковку «и»?

Он смеется, и я отмечаю, что смех у него очень красивый. Как же хочется прикоснуться и «посмотреть» на нового знакомого! Интересно, позволит ли?

– Ты плачешь? Почему?

– Не плачу. Просто аллергия.

– Часто здесь бываешь?

– Раньше бывала. А теперь, – я легко касаюсь очков, – не очень.

– Что-нибудь посоветуешь из меню?

– А ты спортсмен?

– Я плаваю в свободное время.

– Тогда возьми шпинатную вафлю с креветками и авокадо. Безумно вкусная.

– Идет! А могу я угостить тебя десертом, Настя без «и»?

Странное ощущение. Меня никогда не угощал парень. Я вообще встречалась с мальчиком лишь однажды, когда мне только-только исполнилось пятнадцать. Мальчик был из соседней группы одиночников, и вскоре наш роман затих, придавленный соревнованиями, сборами и тренировками.

Вскоре нам приносят заказ. Я получаю прохладный коктейль в высоком бокале и тарталетку с сырным кремом и фруктами. Очень легкое и приятное сочетание. Или мне так кажется, потому что, окруженная вниманием Никиты, я рас-

цветаю.

Мы болтаем о какой-то ерунде, и я уже почти решаюсь попросить разрешения прикоснуться, как вдруг слышу стук каблуков и нутром чувствую: это не к добру. Я готова поклясться собственной тростью, что рядом сейчас стоит Гаврилова.

– Флутцерша, – презрительно бросает она, смахивает со стола бокал с мохито, прямо мне на колени, и быстро уходит.

– Ни хрена себе, – изумленно выдает Никита. – Ща, погоди, я...

– Стой! – Я протягиваю руку и кладу ему на локоть. – Не надо. Все нормально.

– Это ты называешь нормально?! Кто она вообще такая?

– Мы вместе тренировались. В детстве дружили, попали в одну группу на катке.

– А потом?

– Потом стали конкурентками. Света получила травму на тренировке и решила, что это я все подстроила, чтобы занять ее место на этапах Гран-при. Я поехала вместо нее по решению федерации. Она с тех пор меня ненавидит.

– А как она тебя назвала? Это что-то обидное?

– Флутцершей? Лутц – это такой прыжок. Если его делать с неверного ребра, он очень похож на флип. Поэтому неправильный лутц часто издевательски называют флутцем. Я прыгала его неправильно.

– В который раз убеждаюсь, что женский коллектив – аб-

солютное зло. Вот прямо темнейшее! Если бы Толкин был умным мужиком, он бы сделал главным злодеем «Властелина колец» женский коллектив. Фродо, Сэм и Голлум, преодолевая и преодолевая, отважно карабкались бы к горе под смертельным взглядом бухгалтерии какой-нибудь фирмы.

Я смеюсь, и обида постепенно проходит. Только платье испорчено: мокрое, липкое. Говорят, оно красивое.

– Слушай, Насть, я покажусь, наверное, бестактным, но... как ты прыгала эти... флитцы... ну...

– Я ослепла четыре года назад, из-за аварии. Не знаю точно, что произошло... ожог или травма. Не помню. До этого я была фигуристкой.

– Ого. Прости, неприятно, наверное, вспоминать.

– Да. Не самая лучшая часть жизни.

– Но раз ты давно не выступаешь, почему эта деваха так на тебя выбесилась? Должно уж отпустить, ты всяко потеряла больше ее.

– Я не знаю. Наверное, ее ненависть очень сильная. Да и не только ее...

– Наверное, ты была крутой фигуристкой.

– *Посредственность, – слышу я голос Алекса.*

Прислоняюсь ухом к двери и вся обращаюсь в слух.

– *Но она этап выиграла.*

– *Там не у кого было выигрывать. Кубок водокачки. Это раз и два – Гаврилова восстановилась, нельзя ее просто отцепить, потому что Никольская что-то там выиграла.*

Был уговор: Настасья заменяет Светлану. Светлану больше не нужно заменять. На этап едет она, на чемпионат мира – та, кто будет выше на чемпионате России. Все, решение окончательное.

– Ох, не нравится мне все это, – вздыхает директор. – Родители Никольской тоже в восторг не придут.

– Да плевать, Серег, Никольская деревянная. Растяжки никакой, центровка на вращениях нулевая. Аксель прыгает через раз, да и он ее не спасет, японка тоже прыгает. Сколько мы еще за лутц в протоколах будем получать? Ну, давай смотреть с точки зрения статистики. У кого большие шансов взять золото на этапе? У Никольской с флутцем и кривыми ножками или у Гавриловой с идеальным бильманом и лутц-ритмом?

– Это единственная причина, по которой ты хочешь снять Никольскую?

– Что, прости?

– Да брось, девчонка в тебя влюблена. Скажи мне, что ты не прикладываешь ее со всей дури об лед, только чтобы она избавилась от этой влюбленности.

– Серега, ты не директор, ты – главная сплетница клуба. Я хочу медаль. Медаль, мировой рекорд и призовые. А еще контракт для Гавриловой, с которого тоже хорошо капнет. В кого влюблена Никольская и на что она рассчитывала, не мои проблемы. Работать надо было лучше.

– Я была посредственностью. Просто так получилось.

– А я вообще на коньках еле стою. Ковыляю, как маленький ребенок, знаешь, ножками внутрь. Такой гномик-кривоножка.

Я смеюсь, представляя себе эту картину.

– А как ты выглядишь?

– Черт, соврать, что офигенно, будет некрасиво, да? Ладно. Метр восемьдесят рост. Темные волосы. Карие глаза. В общем-то, и все... слушай, я не умею себя описывать. Один нос, два глаза, два уха, не торчат.

– А можно я сама? Руками?

– Давай, – с явным любопытством соглашается Никита.

Подставляет лицо, и я осторожно касаюсь самыми кончиками пальцев, изучаю и рисую портрет в воображении. Наверняка он безумно далек от оригинала, но это лучше, чем ничего.

– Ты симпатичный.

– Ты тоже. Оставишь номер?

Я замираю, застигнутая просьбой врасплох. За тот час, что мы сидим в ресторане, я уже смирилась с тем, что скоро приедет водитель и мы с Никитой расстанемся навсегда. Наверное, поэтому я ему и рассказала куда больше, чем обычно рассказываю о себе.

– Зачем тебе номерок слепой девушки?

– Затем, что с тобой интереснее, чем с большинством зрячих. А еще ты не смотришь постоянно в телефон. Черт... прости, это было бестактно, да?

– Все хорошо. Запиши номер сам.

Пока я диктую телефон, звонит водитель – ждет у ворот. Никита наотрез отказывается взять деньги за мой заказ, оплачивая не только десерт, но и салат, который я съела до того, как он пришел. И помогает дойти до машины. Неожиданно приятное ощущение, когда тебе несут сумку и за руку подводят к воротам.

– Тебе можно ходить на свидания?

– Мне же девятнадцать. Если я заявлю отцу, что пошла на свидание, он собьет люстру, подпрыгнув от счастья.

– Тогда приглашаю. Попробую достать билеты на «Prinzza».

– Супер! Я буду очень рада.

– Тогда до встречи.

Машина ползет по городу, усеянному пробками. Две минуты движения – пять минут стояния на месте. Но сейчас это даже не раздражает, на моих губах мечтательная улыбка. Даже если Никита никогда не позвонит, эти несколько дней, что я буду мечтать о встрече с ним, ценнее месяцев полной апатии. Я не привыкла к такому количеству эмоций.

Радость от возвращения на лед. Страх от того, что осталась одна. Разбередивший душу и старые воспоминания Алекс. Обида и унижение от Гавриловой. Робкая радость и, наконец, мечты о светлом будущем благодаря знакомству с Никитой. Я всегда смеялась над шутками про девушек, придумывающих имена будущим детям после первой же встре-

чи с парнем. А сейчас сама превращаюсь в одну из них.

Снова звонит телефон. Наверное, это отец, и сейчас я ему нажалуюсь на Инну.

– Анастасия? Здравствуйте. Меня зовут Диана Копырева. Я – ассистент продюсера Геннадия Киреева, создателя передачи «В тренде». Насколько мне известно, четыре года назад вы тренировались в группе Александра Крестовского, верно?

– Да, а что такое?

– Мы хотим предложить вам стать героиней нашей передачи. Каждый месяц мы приглашаем гостя с интересной судьбой, какую-то яркую медийную личность, и делаем большое интервью. В связи с популярностью фигурного катания мы решили пригласить вас.

– Но я уже не действующая фигуристка. И... я слепая.

– Мы знаем, Анастасия. Именно поэтому предлагаем вам рассказать свою историю, донести до наших зрителей, что спорт – это не только взлеты, но и падения, крутые виражи. Мне кажется, вы сможете вдохновить тех, кто не делает ничего и говорит «не могу».

– Боюсь, я вынуждена...

«Гаврилова – чемпионка мира, а Никольская завершила карьеру. Вы серьезно спрашиваете, кто был сильнее?»

– ...согласиться. Да, я приму ваше предложение.

Глава 3

Алекс

У меня едет крыша. Другого объяснения нет, потому что встреча с Никольской выносит мозг, превращает обычный вечер с боевичком и едой из ресторана в какой-то долбаный цирк. Я настолько не ожидал встретить ее, что сейчас сижу и пялюсь в одну точку, проигрывая в голове детали встречи.

Она выросла. Набрала вес, что ее совсем не испортило. Теперь это не тощая девочка-скелет со слабо прорисованными мышцами. Это красивая девчонка с формами, которую совсем не испортило фигурное прошлое.

Только слепая. Какая, в сущности, мелочь.

Я сам не знаю, почему встреча с ней так меня будоражит. Почему вдруг она никак не выходит у меня из головы: крошечная фигурка посреди льда, растерянная и испуганная. Цепляющаяся за меня, запутавшаяся в коридорах.

Из размышлений меня вырывает звонок в дверь. Кто еще в такое время?

– Привет! – Надя улыбается и демонстрирует бутылку вина. – Решила заскочить, обсудить стратегию на следующий сезон. И заодно...

Проходит в коридор, небрежно бросает сумочку на полку шкафа и прижимается ко мне, соблазнительно облизывая губы.

– ...исправить дневные ошибки... мы так и не насладились друг другом.

Пожалуй, это то, что нужно, чтобы отвлечься. Я отвечаю на поцелуй, одной рукой расстегивая ее платье. Увлекаю в спальню.

– А вино... – задыхаясь, напоминает Надя.

– Плевать на вино. Хочу тебя. Сейчас.

Мы целуемся, умудряясь одновременно с этим скидывать одежду. Член уже каменный, я жажду трахнуть эту девку, я хочу ее с тех самых пор, как увидел на собеседовании. Да что там, она дала мне прямо там, в кабинете, когда закончили с рабочими вопросами. Охрененная девка, практически идеальная.

Надя медленно опускается на мой член, прогибается в пояснице и немного театрально обхватывает ладонями груди, играя с напряженными темными сосками. Я впиваюсь пальцами в ее бедра, приподнимая и снова опуская, едва не кончая от ее сдавленных всхлипов. И чем дольше трахаю ее, тем отчетливее в голове совершенно другой образ. Русые мягкие кудри... закушенная от напряжения губа... хрупкое запястье, светлая кожа...

Останавливаюсь. Надя разочарованно стонет и пытается двигаться сама, но я поднимаю ее и усаживаю на постель.

– Алекс... что такое?

Задумчиво останавливаюсь перед шкафом, нахожу в куче какого-то подарочного барахла коробку с шейным платком и сворачиваю его так, чтобы получилась повязка. Сейчас я кажусь самому себе ненормальным психом, но когда завязываю на глазах рыжеволосой шлюшки шарф, чувствую, что если не трахну ее, то свихнусь.

Хочу ее. Жестко. Сзади. Чтобы все чувства обострились в разы. Чтобы слышала мое хриплое дыхание. Чтобы каждой клеточкой тела ощущала мой член в себе и была в абсолютной власти.

Движения слишком рваные, импульсивные. Напряжение, накопившееся за день, выплескивается в постели, я наслаждаюсь видом обнаженной девичьей спины с изящной линией позвоночника, выгнутой поясницей. Одна из любимых поз, при должном настрое приносящая удовольствие и женщине, и мужчине. Для Нади оно сейчас еще ярче: она в полной темноте, в моих руках, чувствует лишь то, что я позволю.

Наде нравится новая игра. А мне кажется, я качусь в пропасть. Так стремительно, что захватывает дух. Ненавижу сам себя за мысли и фантазии, возникающие в голове, но ничего не могу с ними поделать, сейчас они сильнее, сейчас они подчиняют меня себе.

Имя этой пропасти – Настя.

– Как ты меня назвал?!

Твою ма-а-ать. У меня нет слов, и я сам в шоке от того,

что произнес ее имя вслух. Это какой-то бред, потому что четыре года я вспоминал о ее существовании один раз: на проклятом интервью, которое теперь крутят в холле.

– Надь...

– Отвали от меня, Крестовский!

– Твою мать, Надя!

– Выйди из меня, я сказала! Отвали!

Она действительно не настроена продолжать, а я – играть в сексуального насильника и трепетную жертву. Вырвавшееся имя остается на губах странным привкусом, каким-то одновременно горьким и пряным.

– Кто такая эта Настя?

– Надя, у меня катается два десятка допубертатных девиц, которые ежедневно косячат и лезут, куда не просят. Я ору это «Настя!» по тридцать раз за день. А еще «Катя!», «Света!», «Лиза!» и «Ну Маргарита Ивановна, вашу мать, куда вы опять со своей шваброй, я работаю, вон из кабинета!».

– Но Маргаритой Ивановной в постели ты что-то не спешишь меня называть.

– На что ты намекаешь?

Я чувствую злость. Что за, на хрен, сцена ревности? Она совсем поехала крышей?! У нас просто секс, потрапушки двух человек, которые слишком заняты работой, чтобы заводить отношения.

– Я ни на что не намекаю, Алекс, кроме, того что, знаешь ли, неприятно слышать чужое имя в такой момент.

– Да, я заработался и задумался, ну уж прости! – рычу, отхожу к бару и достаю бутылку с коньком. – Давай меня убьем за это.

А сам думаю о том, что если Надя увидит Никольскую, то выбесится еще сильнее. Хотя, думается, после Инниного косяка Никольская за километр будет обходить каток.

– Если ты сейчас попыталась намекнуть на мои отношения с подопечными, то лучше собери шмотки и свали на хрен, Надя.

– Я не имела в виду...

– Я слышал.

– Ты можешь понять, что мне обидно?! Сколько мы вместе? Два года? Алекс, два года! И топчемся на месте. А теперь у тебя вылезает какая-то Настя. Ты думаешь, я совсем идиотка? И не могу отличить обычную оговорку от...

– От чего? – Я криво усмехаюсь. – От необычной? Настя – идиотка, которая вылезла на каток поперек заливочной машины и чуть было не размазалась по льду. Все. Конец истории. Если бы мне не приспичило на ночь глядя покататься, завтра мы бы на хрен все поехали в кутузку. Довольна? Достаточная причина, чтобы заговориться? Все, сгинь с глаз моих, вывела.

Пока недовольная Надя одевается, я стою у окна, рассматривая улицу в огнях. Час еще ранний, но машин почти нет. Деловой центр города вымер с окончанием рабочего дня, тусовочный переместился чуть дальше, в квартал с клубами и

ресторанами. Вся жизнь бомонда сейчас там, и можно одеться, пройтись несколько минут – и поужинать в каком-нибудь пафосном ресторанчике, подцепить симпатичную девчонку из числа тех, кто ходит в такие места ради чашки кофе на весь вечер и знакомства с богатым любовником. Ну, или мужем в перспективе, но это не мой вариант, я слишком привык жить один.

А можно сесть в машину (хотя теперь уже нельзя, после трех хороших глотков коньяка) и рвануть на север, за город, в коттеджный поселок, где живут брат с семьей. Там – елки и летний ветер, может, шашлыки. Носится орава детей. И где-то рядом есть дом, где живет слепая девочка Настя. Которая сегодня своим именем испортила мне горячий вечер.

– Счастливо оставаться, – бросает Надя.

Напоследок громко хлопает дверью.

Наутро я прихожу на работу злой, как собака. Даже не собираюсь скрывать, что полночи пил, вторую половину работы, просто хочу, чтобы все оставили меня в покое. Закрыться в кабинете, выжрать литр кофе и на утреннюю тренировку старшей группы прийти в более или менее человеческом обличье.

Но, как назло, на глаза попадаются совсем не те люди, что способствуют восстановлению мира и баланса.

– Алекс! – Серега ловит меня уже в холле. – Какого хрена ты орешь на всех?

– Достали. Ты видел составы на этапы?

– Нет еще, только пришел. А...

– Инна! – ору я, увидев эту идиотку в дверях. – Иди сюда, сука тупая!

– Алекс! – возмущается Серега.

– Инна, ты уволена!

– Что?! – ахает она.

Смотрит на Серегу в поисках поддержки, но вообще это она напрасно. Во-первых, он мой брат. Во-вторых, мы давно работаем вместе и при всей склонности орать на тех, кто меня бесит, я редко увольняю людей просто за то, что они меня с утра раздражают.

– За то, что оставила слепую девчонку на льду без призора! Ее чуть машинкой не переехало, ты вообще соображаешь, что творишь?!

– Но я... мне просто надо было отойти...

– Надо было вывести ее со льда и усадить на скамейку, тем более что до конца аренды оставалось всего ничего. Какого хрена я тебе правила объясняю?! Сколько, черт возьми, раз вам на инструктаже говорили: НА ЛЬДУ ПРИСУТСТВУЕТ ТРЕНЕР! Даже если у вас всего один человек, даже если это профессионал, даже если это чемпион вселенной! Ты понимаешь, что села бы, если бы она травмировалась? Ты соображаешь, что если бы там был ребенок, машинка его могла бы и не заметить? Ты вообще хоть о чем-то думаешь, или в башку свою исключительно жрешь?!

– Инна, – прерывает меня Серега, – в мой кабинет, пожа-

луйста, через полчаса.

Когда она уносится в слезах, брат поворачивается ко мне:

– Полегчало?

– Не особо.

– Это на тебя встреча с Никольской так подействовала?

– Встреча с Никольской добавила мне седины. Скоро придется воровать у твоей жены краску для волос. Найди ей нормального тренера, если так приспичило ползать по льду, не разбирая дороги. Потому что Инна, конечно, идиотка, но сидеть с ней, если что, тебе, я полагаю.

– Да, ты прав, – вздыхает брат. – Я почему-то подумал, что молодая девчонка найдет контакт с Настей. Ее отец очень просил поставить девочку на лед, она скучает после аварии. Я думал, Инна справится с обычным катанием... ладно, раз молодежи поручать ничего нельзя, займешься Никольской сам. Возьми в помощники Риту, пусть учится на простеньком.

– Что?

– Что? – Серега смотрит удивленно. – Ты был ее тренером, ты – взрослый и, мне хочется верить, умный мужик и не станешь оставлять слепую подопечную рядом с опасными машинами. У меня нет других кандидатов.

– Серега, ты охренел? На мне три группы! Скоро этапы! Надо проги ставить, дрючить их за прыжки, скоро сборы, открытые прокаты! Какая, в жопу, слепая девчонка?!

– Сборы в конце лета, прокаты в начале осени, проги ты

лично никому не ставишь, а два часа времени среди недели найдешь.

– Да она меня терпеть не может! Ты за что ей такой стресс добавляешь?

– Алекс, я, конечно, ценю, что ты вывел «Элит» на уровень национальной сборной и чемпионатов мира. Но ты все еще числишься тренером. А отец Настасьи Никольской – не последний человек в стране, чтобы слать его на все четыре стороны или подвергать его дочь опасности. К тому же мы у нее в долгу, не находишь?

– Не нахожу, – недовольно бурчу я.

– Ну и зря.

– Я тренер, как ты сам выразился, а не мамочка. Никольская не справилась с обидкой и натворила дел – пусть платит сама, я здесь при чем?

– Она зрением расплатилась и уже раз десять наверняка пожалела, что вообще села тогда за руль. А ты будь с ней помягче. Обучишь Риту, она девчонка неопытная, но понятливая. И будешь заниматься своими делами, поглядывая на них со скамейки. Потом Рита перейдет из помощников в тренеры и будет заниматься с Никольской сама. Как раз к твоим сборам. Все. Это мое директорское слово. Удачного тебе рабочего дня, а я – увольнять Инну.

– Козел ты, Серега, а не директор, – бурчу я.

И, подозреваю, Никольская скажет то же самое, когда узнает, кто будет возить ее за ручку по катку. Можно милли-

он раз повторить, что она сама виновата, что снятие с одного соревнования, на которое ты попала из-за травмы более сильной соперницы, не повод напиваться и лезть в машину, но объективно в таких случаях половина вины на тренере. И я делаю выводы, я объясняю как могу, что никаких сантиментов и трепетных обнимашек в моей группе нет и не будет.

Можешь лучше – делай. Можешь завоевать медаль – иди и завоевывай. Оказалась хуже? Вот твоя скамейка запасных, следующий шанс используй с умом. Хотя внутри все равно сидит неясный страх, что однажды кто-нибудь из этих трех десятков детей сделает что-то такое же глупое и трагично заканчивающееся. И поэтому мы твердим родителям: мы – не воспитатели, мы приводим к спортивным результатам, а не лечим души ваших детей. Следите за ними, за их состоянием, берите психологов, если они нужны.

А главное, вводите вовремя, выходите из спорта, даже если родительские амбиции захлестывают и от жажды медалей вы готовы захлебнуться слезами собственного ребенка. Если видите, что не вывозит, что каждая неудача оставляет в нем след, – вводите.

Хоть кто-то прислушался? Хрена с два. «Вы проводите с ними по шесть часов в день, вот и воспитывайте светлое, доброе и что там по списку. А у меня сделка, командировка и еще двенадцать охрененно важных дел, за которыми не видно ребенка». Вот поэтому я и не женюсь: я рос в подобной семье и не хочу создать еще одну такую же.

Настасья

Гример делает последние штрихи, и я понимаю: все, отсрочка закончилась, пора сделать решающий шаг вперед.

Я никому не сказала о том, что дам интервью. Ни отцу, ни психологу, ни брату. Хотела написать жене брата, но в последний момент передумала. Поняла, что затею не одобряют, и решила оставить все как есть. Я ведь не глупая, хоть школу окончила чисто для галочки, уже потеряв зрение. Но ума хватает понимать, что за моей спиной говорят остальные.

«Она сама виновата, что села за руль». «Повела себя как обиженный ребенок, вот и получила». «Пусть учится нести ответственность за свои поступки».

Вот я и учусь. Ответственность за этот поступок настигнет всенепременно, но, возможно, мне станет легче.

– Готова, Насть? – Геннадий, ведущий, очень тепло общается со мной все утро и даже разрешил его потрогать, чтобы немного привыкнуть к собеседнику и успокоиться. – Ничего не бойся, мы вырежем все неудобные моменты перед тем, как пустим запись в эфир. Если вдруг какой-то вопрос покажется тебе болезненным или неприятным, просто говори: «Можно следующий вопрос?» Но постарайся отвечать. То, что я спрошу, действительно интересует наших зрителей и твоих болельщиков.

Здесь он мне льстит. Если какие-то болельщики и были,

то уж точно растворились после того, как я перестала выступать. Восхитились чемпионкой мира Гавриловой – и утекли болеть за других.

– Три, два, один... поехали! Дамы и господа, рад приветствовать вас на ток-шоу «В тренде». С вами я, Геннадий Киреев, а также самые интересные истории современности! Потеряла зрение, но не волю к победе: сегодня у нас в гостях талантливая фигуристка, золотой призер этапа юниорского Гран-при, ученица одного из самых известных тренеров России, Анастасия Никольская!

Играет задорная музыка, раздаются аплодисменты. Я растерянно улыбаюсь, потому что не понимаю, куда нужно смотреть, и надеюсь, что не сильно отворачиваюсь от камеры. Хотя, наверное, Геннадий меня поправит, если что?

– Здравствуй, Настя, рад встрече с тобой.

– Здравствуйте, Геннадий.

– Настя, давай представим тебя нашим гостям. Итак, ты – фигуристка, одиночница, мастер спорта и ученица Александра Крестовского, так?

– Да, все верно. Но я бывшая фигуристка, я давно не выступаю.

– Господа, поверьте, для фигурного катания это большая потеря. Но давайте начнем с самого начала. Настя, как ты вообще пришла в этот спорт и как попала к Крестовскому? Сложно было отобраться в его группу? Вообще, в какой момент ты поняла, что готова связать свою жизнь с фигурным

катанием?

– На самом деле я не помню, чтобы такой момент был. Так как я родилась очень слабой, мама умерла при родах, папе сразу сказали, что меня нужно закаливать и укреплять. Посоветовали отдать в бассейн, но у меня после первого же занятия началась жуткая аллергия на воду в нем. И тогда брат привел меня на каток.

– Сложно было учиться?

– Нет, у детей все проще, у них нет страха перед падением или чем-то еще. Мне показали, как стоять, я попыталась поехать. Упала, похихикала, тогда брат взял меня за руки и начал катать. Но никто не мог ездить со мной на катке регулярно, поэтому Вова...

– Вова – это твой брат?

– Да. Вова нашел мне тренера. Александра Олеговича.

– Он тогда еще не был известным тренером?

– Нет. Ему было всего двадцать. Он подрабатывал обучением новичков, мы стали одними из первых его учениц.

– Мы – это?..

– Я и Гаврилова Света.

– У вас быстро набралась группа?

– Да, руководство клуба организовало групповые занятия, пригласило еще специалистов по фигурному катанию, потому что у Александра Олеговича было мало опыта. И мы неожиданно для всех начали занимать какие-то места на первенствах и небольших кубках. Тогда за нас взялись серьезно.

– У тебя не было желания уйти к другому тренеру? От неопытного и непрофессионального Крестовского к кому-то уже создавшему плеяду звезд?

Я хмурюсь. Мне не нравятся такие вопросы, но пока что повода обходить их нет.

– Нет, мне нравилось в «Элит». Я не думала о звездах и карьере, я хотела кататься и выигрывать медали.

– Получалось?

– Да.

– Но все же у Светланы Гавриловой получалось лучше.

– Да, она обыгрывала меня очень часто.

– И что случилось, когда Светлана получила травму?

– Решением федерации я поехала на этапы юниорского Гран-при и заняла первое место на одном из них.

– Но на второй тебя не пустили?

– Да. Света восстановилась, и меня сняли с этапа.

– Разве это допустимо?

Я пожимаю плечами:

– Почему нет?

Особенно если твой тренер считает тебя деревянной и ни на что не годной.

– Ты считаешь, это справедливо? Ведь у тебя, имеющей в активе золото одного этапа, был шанс на финал, а у Светланы его не было.

– Тренерский штаб решил так.

– Ты знаешь почему?

Я медлю. Кусаю губы, хоть и знаю, что на меня сейчас направлены камеры, но не могу сдержаться. Ну же, Настя, для чего ты вообще сюда пришла? Чтобы рассказывать, как Вова водил тебя на каток?

– Да, знаю. Александр Олегович считал, что я посредственна. И что у Светы больше шансов отобраться на юниорский чемпионат мира. У меня были... некоторые ошибки, которые могли мне помешать.

– Например?

– Лутц с неправильного ребра. И центровка на вращениях.

– Это достаточно серьезные ошибки, чтобы не делать на тебя ставку?

– Так решил Александр Олегович.

– Ты улыбаешься, когда об этом говоришь. Но ведь наверняка в тот момент было обидно.

– Да, конечно. Я расстроилась, следствием чего и стала авария, после которой я не вижу.

– Вот как... – Он, кажется, действительно удивлен. – Что ж, спасибо за откровенность, Настя. Понимаю, насколько для тебя непростая тема. Расскажешь подробнее?

– Я почти ничего не помню...

Помню отцовский бар и раздирающую изнутри обиду, в которой я не признаюсь на публичном интервью. Плевать на этап, на Гаврилову, которая вдруг стала врагом. Ничто не сравнится с обидой влюбленной девчонки, которая вдруг услышала про себя «посредственность» от человека, кото-

рый был для нее богом.

Помню ключи от машины, помню, как неслась по ночной дороге, и это было совсем другое ощущение, нежели с Вовкой, в чистом поле. Потом помню только грохот, обжигающую вспышку – и темноту.

Было больно и очень страшно, я приходила в себя урывками, на пару секунд, чтобы снова отключиться. А когда проснулась окончательно, папа огорошил новостью. Зрение, скорее всего, не вернуть.

– Произошла авария, из-за ожога и удара я потеряла зрение. Очнулась на больничной койке и с тех пор не выходила на лед.

– Ты винишь в этом Александра Крестовского, тренера? Ведь если бы не он, не снятие с этапа и не жестокие слова в твой адрес, ты бы сейчас, возможно, покоряла новые вершины?

– Я... наверное, я виновата сама. Мне стоило... не быть посредственностью.

Глава 4

Алекс

– Александр Олегович, можно? – дверь приоткрывается и показывается Гаврилова.

– Заходи. Что у тебя?

– Мы переделали дорожку для шоу в Японии. Посмотрите?

– А на видео нет? Свет, вообще со временем швах, сейчас просмотр, потом план составлять...

Гаврилова широко улыбается. Красивая выросла девка и, пожалуй, единственная из моих учениц самых первых наборов осталась в спорте. Занимается шоу, потихоньку ставит показалки мелкотне и, думаю, рано или поздно или останется хореографом у нас, или пойдет на вольные хлеба и без куса этих самых хлебов не останется.

– Конечно, я для вас записала. Будете смотреть?

Поднимаюсь из-за стола, с наслаждением потягиваясь, сажусь на диван – и Света падает рядом, протягивая смартфон. В нос ударяет довольно противный запах сладких духов. Какая-то ваниль с карамелью, посыпанные шоколадом.

– Вот здесь тебе влево уходить неудобно, подумай, что

можно переделать. Иначе ощущение, что ты сейчас возьмешь лопату и начнешь копать.

– Хорошо, Александр Олегович, – мурлычет Гаврилова.

Я с подозрением на нее кошусь. Мне кажется, или красная Светлана сейчас несколько ближе ко мне, чем требуется? И вырез в ее спортивной облегающей кофточке излишне глубок?

– Ты не простудишься?

– Что?

– Говорю, на тренировках надо кататься одетой, а на выступлениях – раздетой. А ты, по-моему, путаешь.

– Я просто сняла толстовку. Очень жарко.

Кошусь на открытое настежь окно, при совсем не летней погоде, и хочется заржать. Хотя когда светлые кудряшки совсем даже ненавязчиво щекочут шею, ржать уже совсем не хочется.

– Свет, ты пришла дорожку показывать или что-то другое? Тебе не кажется, что я все еще твой тренер и надо бы держать дистанцию?

– Но я уже выросла из отношений тренера и ученицы.

– А я – нет. Ты еще бантик на макушку надень и гольфики. Найди себе ровесника, иначе вылетишь отсюда быстрее, чем мякнешь. Все, дорожка нормальная, лопату только переделай.

Гаврилова дуется и хлопает дверью, почти не замечая удивленного Серегу, вошедшего в кабинет. Тот задумчиво

хмыкает.

– Что? – Я могу лишь развести руками.

– Девочки выросли и обнаружили рядом с собой взрослых мальчиков?

– Смешно тебе, скотина. А мне с ними что делать? Увольнять?

– Женись.

– На всех?! Меня посадют, Серый.

– На всех не надо. Выбери одну – и женись. Заведи детей, и лезть будут меньше.

– Ты сам-то в это веришь?

– Ну так... стараюсь.

– Мне ваших хватает. А с моим графиком жена или уйдет через полгода, или прыгнет на чей-нибудь хер, что, в общем-то, одно и то же. Ты чего хотел? Просмотр? Да я их видел уже, в начале тренировки глянул.

– И как?

– Пошли, покажу.

Просмотр детей в мою группу – ежегодный ритуал «Элит». Родители приводят детишек в клуб, ставят на коньки у тренеров типа Инны, а в начале лета я смотрю тех, кто хоть что-то умеет. Есть группа для начинающих, но перспективных, есть группа для тех, кто уже готов тренироваться серьезно – как правило, это уже занимавшиеся у кого-то дети. Отпрыски не самых простых родителей. Сегодня просмотр вторых.

На льду пять человек, две девчонки совершенно никакие, падают с двойных и еле выкручивают положенное число оборотов. На самом деле мне нравится только одна, такая девчонка-статуэточка, с идеально сбалансированным телом, четкой техникой. Как раз когда мы выходим к катку, она прыгает чистейший двойной аксель.

– Высота хорошая. Можно поднять до тройного.

– Да, – Серега кивает, – это Лена Азарова. Приехала из Питера.

– Ага, я видел.

– Возьмешь?

– Серег, я-то возьму, только ты ее видел? Мы ж не благотворительная организация. На какие деньги она будет тренироваться? Прогн ставить? Платья заказывать?

– Да я-то видел, но что я сделаю? Ее родители внесли предоплату за год. Где-то, значит, нашли. Квартиру продали или кредит взяли.

– С ума сошли? Брать неподъемный кредит, чтобы девка у меня тренировалась?

– Там, я так понял, какой-то конфликт вышел. Девчонку никуда не пускали, зажимали. А деваха катучая, компонентная. И прыжки как по учебнику. Родители решили идти ва-банк. Что мне теперь делать? Они готовы платить, если ты согласен ее взять – бери.

Я вздыхаю и качаю головой. «Элит» – частная спортивная школа. Мы с самого первого дня существования, с то-

го момента, как Гаврилова показала достаточный результат, чтобы участвовать в соревнованиях международного уровня, бьемся за господдержку. И получаем хрен без масла с отмазкой «Да вы там все миллионеры, сами вкладывайтесь». И вкладываемся, только в ответ берем лишь тех, кто может оплачивать свои тренировки. Это принципиальная и неизменная позиция: каким бы талантливым ни был ребенок, мы – не шоу «Минута славы». И если вдруг желающие попытаться прыгнуть в чемпионы за деньги закончатся, «Элит» останется спортивным вип-клубом и не сильно-то расстроится. Но это вряд ли случится.

Этой Лене Азаровой придется оплачивать не только тренировки, но и постановку программ, платья, перелеты и проживание. Наверное, она делала это и раньше, но сейчас ни она, ни родители не представляют, с какими тратами столкнутся.

Я должен ей отказать, потому что учебу в «Элит» она не потянет. И соревновательный режим тоже. Но девчонка действительно хороша, и... А чем черт не шутит? Если начнет выигрывать, материальное положение, может, и поправится.

– Сколько ей?

– Четырнадцать. Пятнадцать в сентябре.

– Херово.

Исполнилось бы ей пятнадцать в начале лета... вышла бы во взрослые, там больше денег и способов заработать. Не везет тем, кто родился после июля.

– Ладно, давай попробуем Азарову. Мама здесь?

– Папа, – отвечает Серега. – На трибуне. Вон, в красной куртке.

– Ну лады, пошел общаться.

– С Гавриловой-то что делать? – вслед мне кричит Серега. – Хочешь, поговорю с ней?

– Не надо. Перебесится.

Эта Азарова – заноза в одном месте, интуиция редко подводит. И проблем с ней не оберешься, и как бы не вышло как с Никольской. Я делаю выводы из ошибок, нельзя привязываться к ученикам и считать их своими детьми. Иначе они это отношение зеркалят и рано или поздно мне прилетает то, что получает родитель, вдруг начавший больше внимания уделять новым детям. Ревность, истерики, трагедии, отсутствие результатов.

– День добрый, – сажусь рядом с отцом Азаровой. – Александр.

– Дмитрий.

– Ваша девочка?

– Моя. Возьмете?

– Сейчас посмотрим. Со сколько лет катается?

– С трех.

– От кого ушла?

– От Шишковой и Ленского.

– Почему ушли?

– Да не сложилось.

– Мне надо знать, что не сложилось. Чтобы не вышло так, что вы за год заплатите, а у нас тоже... не сложится.

– Да не знаю, что не сложилось. Бывает. Сначала у них работал Некрасов, отличный мужик, все прыжки ей поставил. Потом его уволили, пришел Ленский. Вытащил из группы другую девчонку, Лене сказал – как хочешь. Почти перестал обращать внимание, оценки ниже и ниже... ну слушайте, я же вижу, что она неплоха. Аксель тройной у нее был. Ленка хотела заканчивать, мы с матерью не дали, она живет на льду, обожает кататься, и дух соревновательный хороший. Вы б своему ребенку сказали заканчивать?

– Не знаю, – усмехаюсь я.

А сам думаю, что у моего ребенка, в отличие от Азаровой, вопрос оплаты тренировок в принципе не стоит. И решаю говорить начистоту, потому что драмы мне потом не нужны.

– Я возьму, девочка хорошая и, может, что-то и получится. Но... есть пара «но». Во-первых, оплата. Вы и сами все понимаете, мы – не государственная спортшкола, мы частный спортивный клуб. Никаких стипендий и поддержек у нас нет.

– Да, я понимаю, мы проплатили аванс.

– Помимо оплаты тренировок однозначно будет оплата двух программ, причем уже скоро, месяца через полтора. Платья. Коньки, возможно, придется поменять, посмотрим. Летаем на соревнования за свой счет, перелеты дольше трех-четырёх часов – бизнес-классом, мне не нужны деревянные

скрипящие дети после перелета через Атлантику экономом. Это немалые деньги. И результаты я гарантировать не могу. Так что это, возможно, немалые деньги в трубу.

– Спасибо, что беспокоитесь, – сухо отвечает Дмитрий. Для него, пожалуй, разговор неприятен.

– Мы справимся.

– Жить где будет?

– У троюродной тетки.

– Добираться?

– Да здесь рядом автобус ходит. Не волнуйтесь, Лена очень ответственная девочка. Она не опаздывает.

– Тогда вперед, к директору, оформляться. Лена остается на тренировку, заодно и с группой познакомим.

Поднимаюсь с кресла и ору на лед:

– Всем спасибо, все свободны, кроме Елены Азаровой.

Ну, чемпионка, иди сюда, знакомиться будем...

Настасья

У меня ощущение, что я совершила непоправимую ошибку. А еще приятное чувство удовлетворения, потому что когда Крестовский услышит мое интервью (а в том, что он его услышит, я не сомневаюсь), его перекосит от злости.

Я не лгала, не ныла и не обвиняла его во всех грехах, я лишь честно рассказала о его подходе: бездушном, обезличенном. О том, что ему плевать, кто принесет медаль,

главное, чтобы принесли. Что все рассказы в публичном пространстве об индивидуальности, штучных программах и прочем бреде – лишь маска. В этом нет ничего плохого, но это не вяжется с образом Александра Крестовского, который старательно создало руководство «Элит». Похоже, я этот образ только что разрушила.

– Сброшу тебе ссылку, когда программа выйдет в эфир, – напоследок говорит Геннадий. – Ты – молодец, Настя, и я желаю тебе, чтобы все было круто.

И я сижу после записи, уже вечером, в кофейне, пью мандариновый латте и слушаю сопение охранника. Он – моя тень, мои глаза, мой навигатор и щит. Без него я не могу выйти из дома, папа строго за этим следит, опасаясь происшествий. Надо сказать, небезосновательно: однажды прямо посреди улицы кто-то отковырял решетку ливневки. Если бы не окрик какой-то женщины, неизвестно, чем могло закончиться мое падение. А уж случаев, когда из-за угла почти бесшумно выезжали машины, не счесть. Из-за меня на ближайшем светофоре перед парком поставили спецзнак, но порой мне приходилось стоять на светофоре по десять-пятнадцать минут, до первого окрика: «Да пройди уже, задолбала!»

Поэтому со мной всегда Макс.

– Думаешь, я плохо поступила? – спрашиваю его.

– М-м-м?

– Что дала интервью. Думаешь, нельзя было говорить о

Крестовском, он разозлится?

– Он разозлится.

– Спасибо, помог, – бурчу. – Закажи мне десерт.

– Какой вы хотите?

– Не знаю, а какие здесь есть?

– Тирамису, «Наполеон» с малиной, чернично-йогуртовый, гранола с крем-брюле, сырники с вареньем, блинчики с яблочным припеком и крамблом...

– Блинчики.

– Хорошо, Анастасия Борисовна. У вас звонит телефон.

Но это я и без него слышу.

– Да?

– Привет, Насть.

– Никита? – Я совершенно искренне удивляюсь.

– Узнала, богатым не буду. Ну и ладно. Хотел пригласить тебя куда-нибудь. Билетов на «Принzza» нет, поэтому я решил у тебя узнать, куда ты хочешь пойти, и пригласить.

Я не знаю, что сказать, потому что не верила до последнего, что он позвонит. Зачем симпатичному спортивному парню общаться со слепой девчонкой, которая даже красится на ощупь и не факт, что красиво?

– На-а-асть? Ты еще там?

– Да, прости, я задумалась.

– Так что? Куда ты хочешь пойти?

– На лед, – вырывается у меня прежде, чем я успеваю что-либо сообразить.

– Ого... не вопрос. Правда, предупреждаю, что стою на коньках... в общем, слава богу, что стою. Когда тебе удобно? А тебя отпустят не с тренером, а со мной?

– Давай в «Элит» в субботу. Сергей Олегович звонил, извинялся за тренера и сказал, что назначит нового. Заодно поучит тебя кататься. Весь лед будет в полном нашем распоряжении.

– Супер. Тогда после льда приглашаю тебя на ужин.

– Идет. – Я чувствую себя так, словно за спиной вырастают крылья. – До встречи.

– Ваш десерт.

Слышу, как официант ставит передо мной тарелку, и приступаю к блинчикам уже совершенно в другом настроении. До звонка Никиты это был способ заесть стресс, а сейчас – приятное дополнение к неплохому, в общем-то, дню. Возможно, из этого ничего не выйдет. Возможно, общение с Никитой закончится на паре встреч, если не на первой.

Но зато оно хотя бы будет. И, может, мысль о собственной неполноценности в качестве девушки девятнадцати лет перестанет меня изводить.

– Макс, а как считаешь, мне стоит подстричься?

Звук активного жевания вдруг утихает. Я хихикаю, пытаюсь представить ошалелое лицо мужчины, но быстро сникаю. На самом деле я даже не знаю, как Макс выглядит. Мир стремительно изменяется, он уже не такой, каким я его помню. Папа наверняка постарел. У брата появились сын и дочь,

которых я никогда не видела, а моя племянка Маша за четыре года выросла, а ведь я все еще помню ее крошкой-пятилеткой. Особенно грустно держать на руках малую, Лизу, и понятия не иметь, как она выглядит, когда улыбается мне, а когда грустит.

Они все меняются, а в моей голове образы остаются прежними. Чем больше времени проходит, тем чаще я представляю Вову, Ксюшу, папу, Даню и Машу расплывчатыми образами. Теряю черты лица, изюминки, улыбки. Скоро утрачу их совсем. Мне кажется, что я отдаляюсь, а они уходят куда-то в будущее, где кипит жизнь, в которой мне нет места.

А как изменился Алекс? Ксюша говорила, он все такой же, но мне показалось, когда я услышала голос, что все же это уже не тот тренер, с которым я провела несколько лет жизни нон-стоп. Гаврилова, наверное, выросла в настоящую красотку. Как-то по телику показывали репортаж с ее шоу, и комментатор буквально захлебывался от восторга.

Совсем скоро я услышу комментарии тех, кто посмотрит мое интервью. И, может, узнаю, как смотрюсь со стороны.

А сейчас мне хочется выжать максимум из первого в жизни свидания. Получить удовольствие не только от часа на льду, но и от подготовки. Съездить в салон, привести в порядок волосы, обновить маникюр, возможно, купить какой-нибудь симпатичный спортивный костюм. Я всего этого не увижу, но, может, почувствую? Впервые за последние годы мне хочется накраситься не потому что так надо и нельзя выхо-

дить на улицу бледной как моль.

Только не хватает кого-нибудь, кто бегал бы со мной по магазинам и выбирал помады. На Макса надежды нет, издеваться над бедным охранником в магазине косметики слишком жестоко. Ксюха, с которой мы так развлекались, уже год в Лондоне, звонит и пишет почти каждый день, но все равно она бесконечно далеко. Подруги как-то сами собой испарились.

– Придется тебе, Макс, потерпеть примерки кофточек и перчаток.

Я стараюсь улыбаться, но мне снова грустно.

Глава 5

Алекс

Самый главный страх Сереги и юристов, что в «Элит» случится история, как с одним из приятелей Игоря, которого чуть не посадили за то, что подвез малолетнюю врушку. Потом он, правда, на ней женился, но от общественного порицания его это все равно не спасло.

Когда я набирал первую группу девчонок-одиночниц, целая толпа юристов расписывала мне инструкцию «Как не получить обвинения в домогательствах, тренируя кучку амбициозных богатеньких девиц». У них были свои методы, у меня – свои.

Первый: на берегу обговаривать все нюансы и возможные недопонимания. Второй: никогда не спать с теми, кого тренировал. Даже если это был разовый мастер-класс. Даже если девице уже далеко за двадцать. Даже если это тренер, которого я обучал для своей группы.

К тем, кто выигрывает, кто вкладывает деньги и тратит чужие, всегда пристальное внимание. Малейший косяк, ничтожный повод усомниться в идеальности – и несколько месяцев статьи будут пестреть заголовками «Тренер совраща-

ет фигуристок» или «Известный тренер связан с миром криминала».

Семейные юристы и один мой личный надежно, за тысячу замков, хранят факты моего прошлого, которые могут бросить тень на тренерский штаб.

И в свете всего этого мысль о том, что я хочу трахнуть Никольскую, совершенно лишняя и даже, я бы сказал, порочная. Не столько потому, что она бывшая ученица, сколько потому, что нельзя хотеть девку, которая даже увидеть тебя не может. Нельзя цепляться за ее образ трогательной девочки в черных очках, потому что это уже крайняя степень пресыщенности. Когда в твоём распоряжении десятки идеальных, как со страниц журналов, на все готовых девиц, невольно начинаешь хотеть чего-нибудь свежего и легкого.

Но не, черт возьми, слепую же девчонку, которой я го-жусь... хорошо, пока не в отцы, но в старшие братья – однозначно!

– Чего задумался? – спрашивает Макар.

– Девку хочу.

– Абстрактную? Или конкретную?

– Конкретную.

– Что мешает?

– Нельзя. Девка непростая, а семья еще сложнее.

– У-у-у... тогда нам всем крышка. Так что ставим новенькой-то? Азаровой, или как ее?

Я вспоминаю статуэточку Елену, пытаюсь прикинуть, в ка-

ком образе хочу видеть ее на стартах. Мне нравится, когда программы перекликаются, когда короткая и произвольная – не просто два абстрактных танца на льду, а акты одного спектакля.

Лена... Лена... девочка из музыкальной шкатулки. Нет, слишком банально. Надо попробовать вывести ее на приличный уровень, выстрелить с первого сезона, иначе статуэточка отправится работать летом в «Макдоналдс», потому что второй год здесь не потянет, это очевидно. Значит, «Призрак оперы», «Мулен Руж» и прочая попса отменяются. Интересно, если я рискну и мы поставим что-нибудь незнакомое публике, ее примут?

– А давай-ка космической темой развлечемся, – говорю я.

– Космос... Мьюз? Экзогенезис катают через раз, все как на подбор в космических платьях.

– Давай его на произволку. Будет катать зарождение жизни в космосе. А на короткую... на короткую хочу новое. Чтобы или никто не катал, или мало катали. Энергичное, как знаешь: короткая – большой взрыв, эпика в космосе, а произвольная – затишье и зарождение жизни.

– Вот, послушай. – Макар роется в смарте, подбирая мелодию.

Несколько минут мы размышляем над песней, я вслушиваюсь в слегка тяжеловатую мелодию из какого-то сериала, а по мере того, как темп нарастает, уже вижу контраст хрупкой Азаровой и массивной эпичной музыки.

– Берем пока.

– С ней обсуждать не будешь?

– Нет. Она доверилась, приехала из Питера, поставила на меня все. Сомнения ее убьют. Думай над прогами. И дай задание Лизавете, пусть подумает, кто сможет сшить костюм. На короткую надо что-то черно-оранжевое, чтобы, знаешь, – как взрыв в космосе. А на произвольную сине-зеленое или голубое. И сетку, черт, если они мне еще раз желтую сетку на девицу наклепят, я их в этой сетке и закопаю. Пусть подбирают, надоели.

– Вот у тебя мозги работают, а! Генерят по двадцать идей в секунду.

Я не говорю ему, что уже давно придумал два образа и обе эти программы. И уж точно не говорю, что придумал их для совершенно другой девушки. Которая сейчас не видит звезды.

Надо выйти на лед и проверить, что там сейчас делают девчонки. Гриша обещал глянуть Азарову и посмотреть, можно ли поднять аксель, Семенова грозилась напрыгать так-таки лутц-ритт, так что взглянуть есть на что. Я быстро переобуваюсь и выхожу на арену, где добрый десяток девчонок под руководством Гриши играет в кенгуру.

– Сереброва, перетяжку не делай, сколько раз говорил! – ору прямо от калитки.

– Александр Олегович! – самая младшая, Марго, радостно кидается ко мне.

– Куда пошла! – орет Гришка. – Быстро дупель прыгай! Я тебя еще не отпускал!

– Здравствуйте, Александр Олегович, – сияет Азарова.

В ее глазах я вижу то, что мне совершенно не нравится. Такой наивный детский восторг, смешанный с благодарностью. Маленькая дурочка считает, что вытянула счастливый билет и теперь ее жизнь превратится в мультик «Диснея». Тренер будет петь с ней веселые песенки, медали засверкают на стенке, а там и Олимпиада, «БМВ» в подарок, окончание безденежья и теплые фоточки с объятиями тренера, приведшего к победе.

Хрен там плавал. Не научится воспринимать меня как инструмент – закончит там же, где Никольская. Азаровой только предстоит понять, что хорошие люди в ее жизни – это родители, заложившие квартиру ради мечты ребенка. А тренер, которому она так солнечно улыбается, тот еще мурак. И только от нее зависит, воспользуется она моим сволочизмом и возьмет медаль... или повторит судьбу одной девочки, которая смотрела на тренера через розовые очки... а теперь носит черные.

– Значит, так, Азарова, катаешься под Мьюз в произвольной и под Пэриман Джонса короткую. Ставить будет Макар, Лизавета подшлифует. К началу сезона хочу триксель от тебя, не будет трикселя – не будет медалей, поедешь к родителям каяться, что просрала все деньги. Костюмами тоже пора озаботиться, халтуру на лед не выпущу. Так! Народ! Всех

касается!

Я выезжаю на центр катка, чтобы всем было видно и слышно. Грохот от приземлений с прыжков стихает.

– Программы в этом году ставим и накатываем заранее, ясно? Вас много, хореографов мало. Кому не нравится – я не держу, кто согласовал отпуск, может ехать, кто не согласовал, но хочет – можете собирать чемоданы, все надо делать заранее. В этом году обкатываем проги так: взрослые – на «Бешках», юниоры – на юбилее «Элит». Будет шоу, торжественное открытие нового корпуса, поэтому все чтобы выступили. Кто сорвет, тот поедет выступать на чемпионате Няндомы.

Раздается задорный смех, хотя многие из этих девчонок прекрасно знают, что я не шучу.

– А теперь зачет по прыжкам. Все, поехали. Лутц!

Единственный способ воспринимать их как солдатиков на игрушечном поле боя – смотреть на технику. Забить на красоту, на милоту, на счастливые детские глаза и слезы-сопли после какой-нибудь неудачи, оставить сантименты Лизавете. Только высота прыжка, галки недокрута, пролетность, сила, заходы-выезды. Единственный способ сохранить их как спортсменов – не привязываться.

С остальным должны помогать родители. А у некоторых их нет.

Настасья

– Ты поздно, – говорит отец, когда я вхожу в дом.

– Я гуляла.

– Далеко?

– По магазинам. Покупала спортивную форму и... так, всякие мелочи.

– Скажи-ка мне, Настасья, почему звонил и извинялся Сергей Крестовский? Что за проблема с тренером?

– Ничего, – поспешно отвечаю я.

– Врешь.

– Нет. Ничего особенного. Тренер отошла, время аренды закончилось, и я помешала репетиции шоу. Сергей Олегович звонил, извинился и заменил тренера.

– Почему ты не сказала мне?

– Потому что мне почти двадцать, пора решать хоть какие-то проблемы самостоятельно. Особенно если это всего лишь невозможность посмотреть на часы.

– Что-нибудь купила? – Папа меняет тему, а значит, злится.

Но мне все равно придется сказать ему о Никите: Макс обязан будет сообщить, это же вопросы безопасности. Бедного парня еще наверняка ждет проверка: откуда, чем живет, кто родители, не представляет ли угрозы единственный человек, запавший на такую, как я.

– Меня позвал на свидание один парень. На каток. Мы договорились пойти в субботу.

– Где ты с ним познакомилась? – после долгой паузы спрашивает отец.

– В «Элит» после тренировки, в кафе. Он угостил меня лимонадом.

– И что это за парень? Как он выглядит?

Я морщусь.

– Папа, я не знаю, как он выглядит. По общению очень милый. Спроси Макса, он видел его мельком, когда Никита провожал меня до машины.

– И зачем этому Никите приглашать тебя на свидание?

Мне хочется психануть. Бросить в отца ботинком, раскричаться, что я взрослая и имею право строить свою жизнь так, как хочется. Что необязательно напоминать об инвалидности и намекать, что ни один нормальный мужик на меня не посмотрит.

Но все это имело бы смысл, если бы я могла себя обеспечить. В тринадцать, живя за счет родителей, можно бунтовать, прикрываясь подростковым кризисом. В двадцать можно пойти в задницу и работать самой, но для меня этот вариант давно потерян. Папа не забудет об этом напомнить.

– Может, я ему просто понравилась?

– Пусть сбросит свои данные. Проверю.

– А можно без этого? – спрашиваю я, но надежды совсем нет.

– Нельзя, – отрезает отец.

– Я не замуж собираюсь. А на каток. Я четыре года общалась только с тобой, Вовой и Ксюшей, даже Даня ко мне не заходит, можно мне хоть на час в неделю погулять с кем-то не из охраны?

– Когда я получу подтверждение, что этот Никита увивается за тобой не потому, что у тебя потенциальное многомиллионное наследство, да.

– Знаешь, – все-таки не выдерживаю я, – даже если я на фиг не сдалась и Никите хочется только денег, я все равно пойду с ним кататься. Потому что других вариантов у меня просто нет. Кого-то хотя бы деньги привлекают... некоторых даже миллионы не стимулируют на то, чтобы со мной поговорить.

– Настасья! – прикрикивает отец.

Я, как сто раз в детстве, пролетаю мимо него к лестнице, чтобы подняться в свою комнату. Сейчас я делаю это в абсолютной темноте, но с легкостью и уверенностью: дом – одно из немногих мест, где я почти не чувствую себя слепой.

А еще на моей двери есть замок, и отец не может, как в детстве, ввалиться в комнату и заставить меня говорить с ним. Хотя у него, конечно, есть ключ, но повод недостаточно веский, чтобы за ним идти. Слушая щелчки замка, я чувствую себя немного лучше.

– Настасья!

Тяжелые шаги отца приближаются. Он стучит в дверь, а

я переодеваюсь, стараясь оставаться холодной и спокойной. Это не первый наш спор, но первый по такому поводу. Мне казалось, отец будет счастлив, что я решила высунуть нос из норки и пообщаться с миром. Он ведь этого хотел, силой приводя меня на каток.

– Настасья, открой дверь!

– Пап, уйди, пожалуйста, я очень устала.

Я хочу примерить покупки, но рядом нет никого, кто бы сказал, идет мне новая форма или нет, ровно ли сидят тайтсы и не выбился ли ярлычок из-под лонгслива.

– Никуда я не уйду, пока ты мне не дашь контакты этого человека.

– Папа, со мной всегда Макс! Ты специально пугаешь единственного парня, который решил со мной погулять? Да он сбежит не потому, что я слепая, а потому, что у меня отец – параноик! Еще с ружьем его встретить!

– И встречу! Если надо будет!

Папа включает свой любимый ласковый голос:

– Насть... ну ты ведь умная девочка, ты все понимаешь...

Я не выдерживаю. Застегиваю домашнюю рубашку и распахиваю дверь. Даже могу представить себе выражение лица папы, а если напрягусь, то добавлю на сохраненный в памяти смутный образ морщинок, которые непременно появились за четыре года.

– Я все понимаю. Нормальный парень в здравом уме не влюбится в слепую. Не станет приглашать ее на свидание,

не женится, не заведет с ней детей. Скорее всего, у Никиты есть какие-то мотивы или комплексы, которые толкнули его подойти ко мне. Возможно, он действительно знает, кто я, и хочет подобраться поближе к деньгам. Я это все прекрасно понимаю.

Перевожу дух. Все это сказано холодным, равнодушным голосом, полным понимания и спокойствия, но на самом деле осознавать это, а тем более произносить вслух, больно.

– И еще я понимаю, что ты не можешь всю жизнь держать меня под охраной и отпугивать тех, кому нужны наши деньги. Рано или поздно придется выбрать хорошего парня и... да, платить ему за видимость семьи с Анастасией Никольской. Ну, или я доживу лет до пятидесяти у тебя и Вовы под крылом, а потом отправлюсь в интернат. Какой-нибудь, безусловно, пафосный и дорогой, но не уверена, что это прямо круче фейковой семьи. Так это я к чему: я просто хочу погулять с новым знакомым. Он может оказаться тысячу раз авантюристом со страстью к баблу, но ты меня вообще слышишь? Я. Просто. Хочу. Погулять. С кем-нибудь кроме Макса. Это что, слишком много?!

Захлопываю дверь снова и забираюсь под одеяло. Даже смешно: когда мне грустно, я все еще укрываюсь пледом с головой, хотя теперь в этом нет никакого смысла. Я жду, что отец будет и дальше упрямиться, но он еще некоторое время стоит у моей двери, а потом уходит.

Мне жалко его, от жалости на глазах выступают слезы.

Жаль, что в его жизни случилась я. Он неплохой человек. Своеобразный, ну а разве может быть иначе? У него был счастливый брак. Старший сын – гордость, опора семейного бизнеса. Младший – обаятельный оболтус, пока еще с ветром в голове, но в двадцать с хвостиком странно ждать от парня из числа золотой молодежи гиперответственности.

А потом случилась я. Непредвиденное обстоятельство, случайный ребенок, сумасбродное решение «буду рожать, хочу девочку». Семь месяцев ада для мамы, смерть в тот же час, когда я родилась. Несколько лет отец пил, и вся семья держалась на Вовке, потом тоска по маме утихла, в жизни папы появилась возлюбленная, какая-то Данькина учительница.

Я думала: вот буду тренироваться, выйду в juniors, пролезу в призеры этапов Гран-при, потом, может, в финал войду, на следующий год во взрослые. Стану приносить медали, буду представлять страну... и висящая надо мной вина за маму чуть поблекнет. Червячок внутри скажет: отработала. Не зря выжила именно ты, хоть медалей с тебя поиметь.

Вот только случилось как случилось, и для отца моя слепота – очередное напоминание, что лучше бы двадцать лет назад все повернулось иначе.

Мне не хватает рядом брата. Первые годы жизни я провела рядом с ним, он обо мне заботился, он был рядом. Да и потом Вовка был моим лучшим другом. У него семья, куча детей, бизнес по всей Европе, большой дом в Лондоне.

А я малодушно мечтаю, чтобы он вернулся и снова гулял со мной по центру города и кормил мороженым, описывая все, что видит вокруг.

Пригревшись, я засыпаю и снова оказываюсь на льду. Его сияние слепит, но в то же время я так счастлива видеть, что готова парить надо льдом, летать, как давно уже не летала. Снова чувствую напряжение мышц, это особое состояние перед заходом на прыжок: внутри все замирает. Ребро... зубец... толчок – и я в воздухе, я сгруппирована и собрана в напряженный прочный канат, но одновременно с этим я свободна и счастлива.

Секунда свободного полета – и коленка мягко сгибается от приземления. Оно идеально: я не вбиваюсь в лед, а скольжу, откатываясь назад, захожу в кантилевер – и снова на разгон, к очередной высоте.

В отражении в стекле комментаторской будки вижу себя в простом белом платье, сверкающем под софитами. Идеальном платье, которого у меня никогда не было.

Алекс

Настя... Настасья. Анастасия. Почему это имя вертится в голове, хоть я и должен думать о работе?

Она не была выдающейся фигуристкой, не обладала феноменальными талантами, но запоминалась, западала в душу, заражала всех энергией и демонстрировала спортивный

характер. Ей хотелось платье от Сатоми Ито, программу от Ше-Линн Бурн, показательный номер с реквизитом, произвольную программу под тему из «Гарри Поттера». У нее были фигурнокатательные мечты, а потом они разбились. Осколки сверкают на солнце, слепят глаза и никак не дают забыть о встрече с ней на катке. О растерянности, трогательном страхе. Мне хочется снять с нее очки, увидеть глаза, смотрящие в одну точку. Сам не знаю, почему хочу поймать рассеянный слепой взгляд.

Знаю, что нельзя, что сердце снова совершит кульбит, но все равно хочу.

– Тук-тук. Занят? Я принесла кофе.

Надя. Очень похоже на Настю, но на самом деле это две совершенно разные вселенные.

– Привет. Я принесла белый флаг. Давай мириться, Крестовский.

Честно ли хотеть бывшую ученицу? А слепую бывшую ученицу? А честно ли продолжать трахать Надю, зная, что она рассчитывает на большее, а думать о другой? Вопросы риторические, а ответы на них меняются каждую секунду.

– Саш, ну я вспылила. Ну прости.

Надя заходит мне за спину, обнимает, а рыжие локоны падают на светлую рубашку. Горячие губы мелкими поцелуями покрывают шею.

– Пойми меня. Это было неприятно.

– Я понимаю.

– Но злишься. Не злись... я пришла мириться. Я пришла о-о-очень медленно мириться... с чувством... с толком... с расстановкой.

Ее пальчики скользят по моей груди, расстегивая пуговички рубашки, пробираясь к обнаженной коже. Но я перехватываю руки Нади.

– Надо поговорить. Я подумал о том, что ты говорила. Что у нас нет развития отношений, что мы топчемся на месте.

Она садится напротив и сияет, а мне становится тошно. Надежды Нади видны в ее глазах, но все дело в том, что за годы отношений я не рассматривал ее в качестве жены ни разу, а она, похоже, считала получение кольца и моей фамилии делом времени.

– Надь, когда мы с тобой начали спать, мы оба были погружены в работу. Не имели времени на отношения и имели друг друга.

– Да, но прошло столько лет! Группа работает, штаб готов подменить тебя в любой момент. Я устала жить на два дома, устала выходить от тебя и возвращаться в пустую квартиру. Я люблю тебя, Саш...

– Я не планирую жениться, – припечатываю я, и краска сходит с Надиного лица. – Не планировал, когда встретил тебя, и не планирую сейчас. Извини. Если ты рассчитывала на что-то большее... боюсь, ты ошибалась. Я женат на работе.

– Да, – невесело усмехается она. – И думаешь о Насте.

– Ну вот, а говорила, что пришла мириться. Дело не в На-

сте. А в том, что мне не нужна семья. Не нужны отношения. И я не испытываю к тебе ничего, кроме уважения к профессионализму и желания к красивой женщине. Прости, Надь, я не тот человек, который будет играть в идеального мужа.

– Скотина ты, Алекс.

– Я с тобой честен, Надя.

Ее губы искривляются в грустной усмешке.

– Нет. Не честен. Но к черту. К черту тебя, к черту отношения, к черту «Элит». Я увольняюсь.

Ну вот. Теперь я попал еще и на пресс-менеджера. Лишился любовницы, сотрудницы. И все из-за маленькой глупенькой Насти. Которая засела в мыслях, не выходит из головы, поселилась во сне и фантазиях.

Проклятая Настя.

– А я думал, ты выше того, чтобы отношения влияли на работу.

– Иди ты в задницу, Крестовский.

Ее реплика совпадает с появлением в открывшейся двери светленькой головки Риты, заглядывающей в кабинет.

– Александр Олегович, там Никольская пришла. Через десять минут ее время.

– Проводи к арене, как переобуется, я сейчас подойду.

Надя невесело смеется.

– А вот и Настя, да?

– Надь, в чем проблема? Мне показалось, разговор окончен.

– У меня нет никаких проблем, – улыбается она. – А вот у тебя появятся.

Обиженная женщина – самое страшное существо на свете. И я понимаю, что Надя ждет от меня действий, раскаяния, попыток ее вернуть, но в то же время осознаю, что не чувствую ровным счетом ничего. Она уйдет – и ничего не изменится, разве что появятся сложности с работой пресс-центра и придется проводить собеседования, но не более. Секс можно найти без особых усилий, а какие-то чувства – совсем не то, что меня сейчас интересует.

Настя, Настя, Настя... пора заняться дополнительными обязанностями. Понятия не имею, как буду тренировать слепую девчонку. Как вообще можно было поставить меня ее тренером? Я не умею быть мягким, не умею щадить чужие чувства. И уж точно не способен восторгаться кривовато исполненными фонариками. А еще надо как-то обучить Риту. Н-да, задачка.

Стараюсь не думать о Никольской как о девушке. Вспоминаю мелкую девчонку, путающуюся под ногами, школьницу, лишенную женского очарования. С Гавриловой это работает, в какую бы красотку ни выросла Света, как бы ни мечтала перевести отношения с тренером на новый уровень, избавиться от мысли, что ставил ей в дневник двойки, не выходит. Даже несмотря на то что это были всего лишь оценки за тренировки. Если действовать так с Никольской, то...

Ни хрена не срабатывает. Четыре года, проведенные вдали

от нее, разделили для меня Настасью на двух разных девушек. Одна – та самая школьница, ученица, девочка, сошедшая с дистанции. И вторая – вот эта вот гибкая, стройная, практически идеальная девушка с охрененной задницей и... каким-то мужиком.

Рита растерянно смотрит на меня, а в это время какой-то парень помогает Настасье снять чехлы с лезвий.

– Стоять! – команду я.

Никольская вздрагивает и оборачивается на звук. На ней облегающий бордовый костюм, тонкие черные перчатки. И очки, при виде которых мне становится неуютно. Я вдруг ловлю себя на мысли, что хочу увидеть ее глаза. Какого они цвета?

– Это еще кто?

– Никита, – натянуто улыбается Настя. – Он со мной.

– С чего вдруг?

– У меня оплачена аренда катка. Я могу позвать друга.

– Работа тренера оплачена для тебя. Этот, – киваю на парня, – может подождать на трибуне.

– Вот, – Никита отпускает Настину руку и протягивает мне сложенную вдвое квитанцию, – я заплатил за тренировку.

Мне хочется послать его на хрен, потому что я согласился тренировать Никольскую, а не ее любовничка, но Рита уже бросает на нас заинтересованный взгляд, а этот Никита смотрит с вызовом, и я сдаюсь. Не знаю почему, но мне

не нравится парень Никольской. Он симпатичный, неплохо сложен, явно занимается каким-то спортом. Темноволосый, с высокими скулами. Такие парни нравятся девчонкам. Хотя Никольская его даже не видит... чем взял ее, интересно?

Хотя у нее вряд ли большой выбор.

Мне чудится во взгляде этого Никиты что-то странное, недоброе... и приходится обругать себя, чтобы хоть немного прийти в чувства. Это что, ревность? Впервые за тридцать с хвостиком я ревную? Да ладно, мать вашу, такого не бывает.

– Значит, так. Техника безопасности такая: слушаем команды тренеров, выполняем все четко и без разговоров. Те, кто может смотреть, – смотрим, куда едем. Кто не может, слушаем тренера. Падая, группируемся, стараемся упасть на руки. Колени согнуты всегда! Парень, шнурки перевяжи, ты запнешься о них, едва выйдешь. Стоишь на коньках?

– Чуть-чуть.

– Чуть-чуть, – передразниваю его. – Рита, поставь вьюношу на коньки и обучи хотя бы фонарикам, что ли. Никольская, раскатываемся. Обычным, не беговым, я еду перед тобой, если что – перехвачу.

Она нервно облизывает губы, и явно не в первый раз: от помады остались одни следы. А в прошлый раз не красилась.

Шаги на льду неуверенные, хотя ее тело еще помнит тренировки. Это скорее страх перед темнотой, неизвестностью. Мне приходится взять ее руку, чтобы вести за собой, и я чувствую, как подрагивают пальцы в моей ладони.

– Свидание? – будто невзначай интересуюсь.

– Какая разница?

– Просто интересно.

– Да. Свидание.

– Лучше бы сходили в кино.

– Смешно. А шутки, не связанные с моим зрением, у вас в арсенале есть?

– Извини. Я забываю.

– Это же так незаметно, – усмехается Настасья.

А я думаю, что да, это незаметно. Странно, конечно, видеть на льду девчонку в черных очках, но она скользит и двигается так, словно не было четырех лет разлуки со льдом. Да, вряд ли Никольская сейчас способна хоть на одинарный тулуп, но ее навыки все еще при ней. И мне вдруг хочется позаниматься с ней подольше. Чтобы проверить, способен ли я восстановить хотя бы часть тех умений, что были у нее перед злополучной аварией. На удочке поднять ее в воздух, поставить какую-нибудь дорожку. Это все бред, мне хочется верить, что Никольская скоро сдуется и забьет на лед, но яркие картинки то и дело возникают в голове. А с ними еще одни, совершенно неуместные, излишне откровенные.

– Так. Будем делать цапельку. Я стою у борта, ты едешь прямо, если будешь слишком близко, я тебя поймаю. Поняла? Прямо ехать сможешь?

– Смогу!

– Настька-а-а! – ржет парень, неуклюже проезжая мимо.

Рите он, кажется, нравится. А я не могу отделаться от ощущения, что где-то его видел.

Засмотревшись на хахалю Никольской, я едва не пропускаю момент, когда она доезжает до края катка. Чтобы она не врезалась в бортик, я протягиваю руки и ловлю девчонку. В этот же миг меня окутывает легкий флер ее духов. Я сжимаю руками ее талию и невольно поражаюсь тому, насколько Никольская худая, даже спустя столько лет после ухода из спорта. Она только что исполнила практически идеальную цапельку, и фигуркой, что легко катит по льду на одной ноге, распрямив плечи и выставив руки в стороны, можно любоваться бесконечно.

Она пугается. Сложно это понять, не видя глаз. До сих пор я даже не представлял, насколько важно видеть их, чтобы ловить чужое настроение. Сейчас глаза Настасьи закрыты от меня непроницаемыми стеклами очков, эмоции спрятаны, а мне бы очень хотелось их узнать. Я могу догадываться, что она боится, лишь по чуть подрагивающим губам и неуверенно сжимающимся кулакам: этот жест я помню еще с тех пор, как она была моей ученицей.

– Не бойся. Я тебя держу.

А еще я поддаюсь порыву и поднимаю Никольскую в воздух. Она цепляется за мои плечи с такой силой, что наверняка останутся следы.

– Что вы делаете?!

– Поддержку.

– Вы же не парник! И вообще хоккеист! Я не клюшка, поставьте меня на лед!

Но я не могу отказать себе в удовольствии и пару раз обернуться вокруг оси, держа в руках Настасью. Она совершенно напрасно волнуется: я скорее расшибу себе затылок, чем позволю ей упасть на лед.

И не только из-за того, что ее отец спустит со всех нас шкуру.

– Скучала?

– По вам? – иронично приподнимает бровь.

– По льду.

– Не знаю. Иногда думаю, что да. А иногда о том, что лучше бы его и вовсе не было в моей жизни.

– Займись ОФП. Восстанови волчок или либелу.

– Зачем?

– А зачем ты здесь?

Пожимает плечами.

– Папа приказал. Он считает, это меня расшевелит.

– Ошибается?

– Я не в депрессии. Я просто... соответствую.

– Чему?

Будь я проклят, но если бы Настасья могла видеть, она непременно одарила бы меня насмешливым взглядом. Ее ответ на мой вопрос похож на кирпич, внезапно прилетевший с неба и саданувший как следует по башке.

– Неважно.

Я не успеваю поинтересоваться, что она имела в виду: к нам подъезжают Рита и Никита. Парень выглядит счастливым и всю пользуется тем, что Настя его не видит. Он смотрит на меня с вызовом, будто чувствует обжигающую ревность, которая толкает меня на глупости. Бесит, что Никольская сейчас пойдет с ним гулять. Бесит, что он будет спрашивать обо мне, о тренировках. Бесит, что он ее поцелует.

Пора уже признаться: я хочу Никольскую. Хочу так сильно, что готов увести ее в кабинет прямо сейчас, и единственное, что меня останавливает: ее слепота. Нельзя, нельзя трахать слепую беспомощную девочку. У нее есть парень, а у этого парня есть деньги, чтобы оплачивать мою работу. Нельзя даже думать о Настасье в таком контексте. Но я почему-то никак не могу избавиться от фантазий.

– Пожалуй, побуду слабым звеном, – улыбаясь, говорит Никита. – Я сдаюсь. Мои ноги деревянные.

– Так бывает в первый раз, – счастливо улыбается Никольская. – Я тоже устала. За четыре года коньки задубели. Хочешь, пойдем поужинаем...

– Размечтались, – бурчу я.

– Что?

– Я – не аниматор в детском клубе, а тренер. Вы или делаете то, что я скажу, или катитесь ко всем чертям и ищите нового, ясно?

– У меня ноги в кровь стерты!

– А ты надеялась раскатываться как-то иначе?

– Можно напомнить, что я уже не фигуристка и имею право посидеть на лавочке, если подвернула ногу?

– Нет. Поехали, у нас еще пятнадцать минут. Давайте беговым по кругу.

Психуя, Настасья забывает об осторожности, обо мне, о том, что еще пару минут назад она дрожала, едва стоя на ногах. Если ей и натерли коньки, то внешне это совершенно незаметно. Она практически идеально делает перебежки, а губы при этом сжаты в тонкую ниточку от злости. Парень, неуклюже переставляя ноги и отчаянно стараясь не упасть, пытается повторять за ней.

– Парень делает успехи.

– Он умеет кататься.

– Что? – Рита хмурится.

– Парень. Он прикидывается, что едва стоит на коньках.

Вопрос только зачем.

– Чтобы понравиться Анастасии? Ну... такой вид заигрывания. Изображает новичка, чтобы ее повеселить.

– Возможно.

Может, мне тоже притвориться, что я не умею кататься?

– Закончили! – кричу я и, прежде чем Никита успевает, подхватываю Никольскую под руку и везу к калитке. Она вся цепенеет, старается держаться от меня как можно дальше, а я получаю ненормальное удовольствие от сильных эмоций.

Не могу заглянуть в глаза и прочитать больше, чем нена-

ВИСТЬ, ПОЭТОМУ ДОВОЛЬСТВУЮСЬ МАЛЫМ.

Глава 6

Настасья

– Как ты с ним столько лет выдерживала?

После тренировки и легкого ужина мы идем по улице. Никита осторожно держит меня под руку, изо всех сил стараясь касаться как можно тактичнее, исключительно с целью поддержки. А мне нравится его галантность.

Вообще вся моя жизнь состоит из двух частей. Первые пятнадцать лет, наполненные льдом, тренировками, программами, прыжками. И последующие четыре года темноты. Так вот, этот день – самый лучший во второй половине моей жизни. Мне давно не было так хорошо. Тело приятно ноет после нагрузки, на ноге три огромные кровавые мозоли из-за коньков, но внутри все поет, и я готова часами бродить по улице с Никитой под руку.

К сожалению, Макс всего лишь высадил нас у ворот поселка, позволив пройти до дома. Это не больше пятнадцати минут, но мы нарочно идем медленно, продлевая завершение вечера.

– Он не такой уж плохой. Просто иначе никак, ты либо добрый дядя, на котором гроздьями висят дети, либо тренер,

который приносит медали. Алекс – приносит. В том числе благодаря своей... м-м-м...

– Сучности.

– Суровости. Он правда знает свое дело, умеет настраивать на работу, на прокаты. Видит спортсмена насквозь. Знает, когда нужен психолог, а когда можно покричать. Какая программа сядет идеально, а какая будет смотреться так, словно взята с чужого плеча. Это талант.

– Знаешь, я сейчас покажусь тебе бестактным, но не могу не сказать. Для спортсменки, пусть и бывшей, ты удивительно хорошо говоришь.

Я смеюсь, пытаюсь представить себе смущенное лицо Никиты и Макса, который сейчас идет позади нас и наверняка мучительно пытается сдержать улыбку.

– Ну что ты смеешься? Все спортсмены, которых я знал, далеко не ораторы.

– Я много слушаю устную речь. С тех пор как ослепла, пачками глотаю аудиокниги, слушаю фильмы и все такое.

– Так, значит, этот Алекс всегда ведет себя как напыщенный мудака? А почему он Алекс? Косит под американ-бой?

– Не знаю. Так приклеилось. У них в семье это своего рода традиция. Его брат, владелец «Элит», Серж, а жена Сержа – Крис. Вот и к Алексу пристало. Но в глаза, конечно, все называют его Александром Олеговичем.

– Серьезно. Мне показалось, между вами есть какая-то недосказанность.

– Я...

Закусываю губу, не хочу делиться с Никитой не самыми приятными подробностями прошлого. Но он первый, кто по-настоящему интересуется тем, чем я живу.

– Я была в него влюблена, когда выступала по юниорам. Сильно влюблена.

– И что потом случилось?

– Ничего. Произошло ДТП, я потеряла зрение, а Алекс – интерес к бывшей спортсменке, ставшей бесперспективным инвалидом. Так и прошла любовь.

– Прости. Я напомнил о неприятном.

– Я помню об этом каждый день. Такое не забывается. Папа настаивает, чтобы я ходила тренироваться, но даже боюсь представить, сколько он заплатил клубу, чтобы Алекс со мной возился. Но от иллюзий полезно избавляться. Я разлюбила его, когда поняла, что тренер больше не навестит меня в больнице, что он занят своей чемпионкой.

– Анастасия Борисовна, мы пришли, – говорит Макс.

– Что ж, вот и мой дом.

Никита отпускает мой локоть и, не успеваю я испытать легкое разочарование, осторожно берет за руку. Ладонь обдает приятным теплом.

– Насть... спасибо, что погуляла со мной. Это было очень круто. Ты потрясающе выглядишь на льду. Да и вне его... я могу пригласить тебя на второе свидание?

Улыбка касается губ без моего на то согласия.

– Ты так этого хочешь?

– Да. Я очень хочу. Если ты хочешь.

– Хочу. Пригласи.

– Договорились! Я придумаю, куда пойдём, и позвоню.

Насть...

Я догадываюсь, к чему все идет, и дыхание перехватывает от предвкушения первого в моей жизни поцелуя.

– Можно я тебя поцелую?

– Если Макс отвернется...

– Он тактично курит в паре метров от нас.

– Тогда целуй, – шепотом отвечаю я.

И уже почти чувствую тепло губ Никиты на своих, как вдруг слышу звук распахнувшейся двери дома и строгий окрик отца:

– Настасья, уже половина двенадцатого! Немедленно домой!

От досады хочется застонать и топнуть ногой, но я лишь разочарованно улыбаюсь.

– Прости. Мне пора.

– Вот еще одна причина пригласить тебя на второе свидание. Мне повезло, что он вышел без ружья, да?

– А он без ружья?

– Всего лишь с планшетом.

– Ты самый везучий парень на свете.

– Настасья! – снова кричит отец.

Приходится махнуть Никите на прощание и, не дожидая-

сь, пока подоспеет Макс, самой открыть калитку. Протискиваясь внутрь мимо папы, я саркастически говорю:

– Мне почти двадцать, забыл?

– Ты все еще Никольская, забыла? А Никольские не позволяют себе лишнего в компании малознакомых людей.

– Расскажи это Вовке или Даньке. Братики от души поржут и заверят, что уж они-то своих баб сначала по полгода на светских раутах выгуливали.

– Владимир женат, Анастасия, а Даниил – не лучший пример для подражания.

– Зато на его фоне я смотрюсь паинькой.

– Как прошла твоя тренировка?

– Крестовский – козел, ноги в кровь, Никита – супер, он пригласил меня на второе свидание, секса не было, но Макс знает, где купить презервативы, если что – отправим. Что еще? Погода хорошая, но завтра обещают дождь. На Смоленском пробка. Еще вопросы? Нет? Тогда я пошла в душ и спать, мне еще мозоли заклеивать.

– Ты можешь хоть раз в жизни поговорить с отцом нормально?

– Вот когда перестанешь обращаться со мной как с ребенком, тогда и поговорим. Спокойной ночи, папа.

Я поднимаюсь в комнату, чтобы принять душ и улечься в постель. Послушать музыку или какую-нибудь книгу. Очень не хватает типично девичьего ритуала перед зеркалом: нанести косметику, расчесать волосы, заплести косу,

чтобы во сне волосы не превратились в мочалку. Точнее, ритуал-то есть, но теперь выполняется технически, воспринимается примерно так же, как чистка зубов, и не приносит никакого эстетического удовольствия.

В ванной я долго прокручиваю в голове события минувшего дня. Когда была ребенком, часто воображала себе первое свидание и дальнейшие отношения с парнем. Даже в самом жутком кошмаре я вряд ли представила бы себя слепой. В фантазиях я была идеальной, чемпионкой с мировой известностью, а парень – непременно успешным красавцем, в которого я влюблялась со всей отдачей.

Мне кажется, будто я должна влюбиться в Никиту. Почти обязана, потому что за воротами не стоит очередь из парней, жаждущих со мной встречаться. Мысленно я повторяю его имя десятки раз, убеждая себя, что нельзя ждать неведомого принца. Вот он, мой шанс взять у жизни ощущения, которые запомнятся. Я не настолько наивна, чтобы верить в свадьбу, счастливую семью или долгие отношения. Жизнь научила ко всему подходить прагматично.

Никита – мой шанс почувствовать себя симпатичной девушкой. Пообщаться, погулять, открыть для себя новые ощущения. Услышать парочку комплиментов, искупаться в теплоте, которая исходит от парня. Лишиться наконец невинности... разве это несбыточные мечты?

Когда я думаю о Никите, мне становится тепло и весело. Я представляю, куда мы пойдем в следующий раз, и непре-

менно хочу привести его в свой любимый парк, к пруду с утками. Чтобы он описал, как там сейчас все выглядит, и проникся неуловимой атмосферой уютного уголка посреди буйства красок, музыки и аттракционов.

А когда в мысли без спроса врывается Крестовский, никакого тепла и веселья нет. Низ живота болезненно сводит, и сердце готово, кажется, выпрыгнуть из грудной клетки. Я делаю воду прохладнее, но контрастный душ мало помогает: мне кажется, будто кожа становится в тысячу раз чувствительнее обычного.

И не прогнать его из головы, не вытравить! Я слышу голос, словно наяву, вижу образ, знакомую улыбку. Так странно... вокруг темнота, а в ней – один-единственный образ, и он, в отличие от прочих, с годами не тускнеет.

В сердцах я бью по стенке душевой кабинки, и та отвечает мне противным громким звоном.

– Настасья? – тут же в комнату заглядывает отец.

Я выхожу из душа, облачаясь в длинный махровый халат.

– Все в порядке? Что за шум?

– Просто поскользнулась.

– Хорошо. Тут Ксения прислала посылку. Оставлю у тебя на постели.

– А что в ней?

– Да какая-то ерунда: сладости, игрушки. Все подписано, разберешься.

– Хорошо. Пап...

Шаги затихают – отец останавливается где-то у порога.

– Да?

– Оплати, пожалуйста, ОФП в «Элит». Сможешь?

– Зачем тебе ОФП? Мало льда?

– Я... хочу набрать форму.

– Настасья... я надеюсь, тебе не нужно объяснять, что прыжки и сложные элементы в твоём состоянии под запретом?

– Поговори об этом с тренером. Я выполняю лишь то, что он скажет. Но мне не нравится, что после часового катания по кругу у меня все болит.

– Хорошо, – после паузы отвечает отец. – Я оплачу тебе ОФП. И, возможно, бассейн.

Ну вот, очередной компромисс. Я со вздохом киваю, в бассейн отец пытается затащить меня уже очень давно. Но я безумно боюсь сочетания глубины и темноты. И остается знакомая проблема с тренером: мало кто согласится неотрывно плыть рядом с невидящей девчонкой, да еще и, в случае паники, тащить ее к бортику.

Когда папа уходит, я с нетерпением кидаюсь к коробке на кровати. Ксюха в курсе, чем можно меня порадовать, а еще она знает язык Брайля и всегда описывает свои подарки сама. В очередной коробке из Лондона зеленая мягкая игрушка-антистресс в виде авокадо, набор шоколада, печенье, перо из музея Гарри Поттера и куча мелких сладостей. Все это можно купить и здесь, шоколад в Англии не сказать чтобы

уникальный, а уж игрушек полно и в Москве, но такие посылки – это не про уникальность и цену, это напоминание, что еще есть на свете люди, которым я не безразлична. Даже если в двух шагах от нашей калитки поставят сувенирный киоск из Вестминстерского аббатства, Ксюха не прекратит каждый месяц собирать для меня посылки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.